

ISSN 2658-7920

ВЕСИ
№ 9,
2024
СПЕЦВЫПУСК

ЗАГАДКИ АГАФУРОВЫХ

ВЕСИ

№ 9 (211) 2024
ноябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бадри Девшиев</i>	
Не только бизнес... ..	3
<i>Бадри Девшиев</i>	
Счастливая судьба агафуровского наследия	20
<i>Бадри Девшиев</i>	
История одного неоплаченного долга.....	29
<i>А.В.Ермоленко</i>	
Находки в универсаме Агафуровых	54

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация
Восточного управленческого округа
Правительства Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной информации»
(620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

18+

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция
рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без
дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Обложка: (1): Здание Постпредства Республики Татарстан. 2004 г. Фото Рустама Бикбова.

Подписано в печать 31.08.2024 г.

Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт» 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж.
www.alfaprint24.ru Тираж 2500 экз. Цена свободная.

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и по
международному гуманитарному со-
трудничеству.

Здравствуйтесь, уважаемые читатели!

История Екатеринбурга, насчитывающая 300 лет, отражена не только в старинных зданиях, строениях и особняках, которые нам оставили в наследство наши предки, интересна она нам, прежде всего, судьбой тех людей, которые «делали» эту историю, их профессиональными и нравственными качествами, их отношениями в обществе, в деловой среде, в семье...

Особое звучание в истории Екатеринбурга приобрела фамилия Агафуровы. Разве не может удивлять судьба нищего крестьянина из татарской деревни Казанской губернии Хисаметдина Агафурова, переехавшего в Екатеринбург и в последующем ставшего успешным купцом?! Разве не удивительно, что сыновья, продолжив дело отца, создали торговую империю «с размахом» от Варшавы до Харбина, именуемую Торговый дом «Братья Агафуровы»? А история об универсальном магазине «Братья Агафуровы», из которого трудно было выйти без покупки?.. Разве не удивительно, что Мусульманское благотворительное общество, созданное братьями Агафуровыми, существовало не только для мусульман?! А агафуровские клады, долгое время не дававшие покоя кладоискателям, или агафуровские дачи, обросшие различными невероятными слухами, или, наконец, создание велодрома, поддержка «Общества любителей конского бега» и спортивные их увлечения?

Сегодня в издательстве «Банк культурной информации» готовится к печати книга «Агафуровы: из прошлого в настоящее», ее автор – Бадри Девишев, правнук Зайнетдина Агафурова, того самого Агафурова, интерес к личности которого с течением времени только возрастает!

Автором книги проделана скрупулезная многолетняя работа, собрано большое количество фактического материала и фотографий, тема изложена в хорошем стиле, который, уверен, увлечет читателя и будет им восприниматься легко и с большим интересом!

Знакомство читателя с книгой впереди, а в данном спецвыпуске журнала «Веси» мы публикуем две главы из будущей книги и прелюбопытнейшую историю, написанную в жанре документальной повести «История одного неоплаченного долга», главным героем которой стал прадед автора – Зайнетдин Агафуров.

Будем с нетерпением ждать выхода в свет новой книги и пожелаем ей счастливой судьбы!

*Равиль Бикбов
Первый Постпред Республики Татарстан
в Уральском регионе,
Председатель Общественного совета Музейного клуба
«Дом Агафуровых»,
эксперт АНО «Институт творческих инициатив».*

Здравствуйтесь, уважаемые читатели!

Книга Бадри Девишева «Агафуровы: из настоящего в прошлое», главы из которой публикуются в этом номере журнала, посвящена истории знаменитого рода Агафуровых, прославившегося на всю Россию своей масштабной предпринимательской, общественной и благотворительной деятельностью.

Автор, опираясь на документальные источники и историографию, воссоздал детальный портрет легендарной предпринимательской семьи и династии, проследил ее путь от начала коммерческой деятельности до подлинного триумфа в торговой сфере.

Важно, что Бадри Девишев особое внимание уделил общественной деятельности Хисаметдина Агафурова и его сыновей, их повседневной жизни, которая отличалась смелыми новациями и бурной активностью. Предприниматели не жалели средств на всестороннюю благотворительность, способствовали новым формам досуга, спорту, автомобильной езде и многому другому.

Влияние семьи Агафуровых на Екатеринбург и весь Уральский регион трудно переоценить, как и трудно переоценить их роль в татарском мире того времени.

Бадри Девишев сумел показать полную трагизма историю дореволюционной купеческой семьи в советский период. Крах любимого дела, преследования, вынужденная эмиграция, испытания на чужбине. Агафуровы прошли, как сотни других семей татарских предпринимателей, интеллигенции и духовенства, драматичный путь расставания с родиной, но только не забвения.

Благодарные потомки, земляки продолжали помнить созидательную роль династии в развитии региона, в жизни всего татарского народа. В книге целый раздел посвящен недвижимым памятникам, которые оставили после себя эти выдающиеся представители делового мира. По инициативе и поручению Раиса республики Р.Н. Минниханова здание представительства, бывший дом Зайнетдина Агафурова, полностью отреставрировано. Огромную роль в возрождении этого прекрасного памятника сыграл нынешний представитель Татарстана Хайдар Маслахетдинович Гильфанов.

В целом книга Бадри Девишева «Агафуровы: из настоящего в прошлое» является первым и единственным историческим произведением, полно и всесторонне, на широком историческом фоне, раскрывающим судьбу татарского купеческого рода Агафуровых.

*Радик Салихов,
доктор исторических наук,
академик Академии наук Республики Татарстан,
директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ,
заслуженный деятель науки республики Татарстан.*

НЕ ТОЛЬКО БИЗНЕС...*

Бадри ДЕВИШЕВ

Правнук
Зайнетдина Агафурова.

ПО ЗАВЕТАМ ОТЦА

Невозможно представить, чтобы популярность и уважение, которыми пользовались братья Агафуровы в начале прошлого века, когда процветал их Торговый дом, и добрая память, которую они о себе оставили, спустя столетие, были обусловлены лишь удачливостью на ниве торговли и нажитыми богатствами.

Успешность и богатство одних в любые времена у всех прочих гораздо чаще вызывают зависть и раздражение, нежели уважение, но старшие Агафуровы были действительно весьма популярны и уважаемы. И не только в своей специфической деловой среде и во взаимоотношениях с партнерами по бизнесу или общественной деятельности, но и среди простого населения Екатеринбурга.

И уж совершенно безусловным был авторитет братьев среди мусульман города и уезда – ведь, по сути, они были светскими лидерами мусульманской общины Екатеринбурга. И, как мы знаем, в свое время это станет решающим фактором спасения Зайнетдина Агафурова, взятого большевиками в заложники, от расстрела.

«Не трудно жертвовать от достатка ...»

27 февраля 1915 года у мусульманской общины города торжественное событие: на Большой Съезжей открывается

новое, только что выстроенное здание для женской мусульманской школы. Корреспондент газеты «Зауральский край» сообщал: «Это прекрасное, высокое, светлое помещение, имеющее много комнат. Оно устроено по последнему слову техники».

Присутствующие приветствовали хлебом-солью тех, благодаря кому состоялось это торжество, находящихся здесь братьев Камалетдина, Зайнетдина и Кашафетдина Агафуровых. Именно они пожертвовали 20 тысяч рублей на постройку нового здания школы. Как сообщила газета, братья в ответ на благодарность ответили: «Не трудно жертвовать от достатка, труден сам труд в деле просвещения».

В этом утверждении, верном лишь, впрочем, для людей совестливых и нежадных – всё жизненное кредо братьев. Все они, без исключения, считали благотворительность – помощь ближним в самом широком смысле – своей святой обязанностью. Этому учил Коран, это они усвоили еще от своего отца Хисаметдина, никогда не забывавшего своего простого происхождения. О том, из каких низов им удалось подняться до нынешнего благополучия, хорошо помнили и сами братья, в особенности Камалетдин и Зайнетдин, собственным трудом создававшие ставшее таким успешным торговое дело.

Вместе с родителями они часто ездили на их родину в Казанскую губернию. Став тор-

* Глава 3 из книги Бадри Девишева «Агафуровы: из прошлого в настоящее».

говцем, отец старался помогать деревенским родственникам. Впрочем, село Малая Елга было родиной и старшего из братьев – Камалетдина. Здесь он провел детство, прежде чем с матерью переехать в Екатеринбург, где служил отец.

Уже после смерти Хисаметдина, будучи состоятельным купцом, Камалетдин вместе с матерью до самого ухода ее из жизни в 1914 году продолжал навещать односельчан. На его средства здесь была построена первая деревянная мечеть и мост через речку, непреодолимо разделявшую пополам всё село во время разлива. В тяжелые годы Агафуровы спасали жителей деревни от голода, привозя сюда продовольствие. Некоторые деревенские родственники приезжали в Екатеринбург, находя для себя работу в Торговом доме братьев Агафуровых.

Что же касается образования, то к этому вопросу у старших братьев было особое отношение. Сами они были лишены возможности учиться в каком-либо учебном заведении. Труднее всего было, пожалуй, Камалетдину – до семи лет он не знал ни одного русского слова, но, перебравшись с матерью к отцу в Екатеринбург, освоился довольно быстро. Помогли несколько лет в гарнизонной школе и уроки отца, который здесь же постигал русскую грамоту.

Для Зайнетдина, родившегося уже в Екатеринбурге, русский язык был практически родным, он впитывал его в кругу сверстников и русскоязычных знакомых отца. Братья любили читать и с жадностью усваивали знания. Глядя на каллиграфический почерк уже взрослого Зайнетдина и умение выразить свои мысли в письменной форме хоть в деловой, хоть в домашней переписке, трудно представить, что он ни-

где не учился, а всего достиг лишь самообразованием.

Лучше многих братья сознавали важность образования для достижения успеха в жизни и, понимая, что небогатым соплеменникам в этом отношении особенно трудно, старались им помочь. Девочкам в мусульманских семьях было еще сложнее, учитывая, что патриархальная среда традиционно не предусматривала для них иной роли, кроме как домохозяйки.

Конечно, 1914–1915 годы были не самым лучшим временем для Торгового дома братьев Агафуровых – только что пережитые коллизии с опасностью банкротства, начавшаяся Первая мировая! И всё же, это не помешало братьям завершить начатое строительство нового здания для школы.

А первая мусульманская школа в Екатеринбурге была создана ими еще в 1895 году. К 1913 году в городе на попечении Агафуровых было две школы: для мальчиков на 60–70 учеников с двумя учителями и для девочек на 60–70 учениц с двумя учительницами.

Между тем в Екатеринбургском уезде, где татар и башкир было гораздо больше, чем в Екатеринбурге, насчитывалось к 1913 году одиннадцать мусульманских школ, влачивших нищенское существование из-за нехватки средств, выделяемых Уездным Земством на их содержание.

Часть из них – школы Саринского, Алабукского и Калужбаевского приходов – Агафуровы по просьбе Земского Собрания также взяли на свое обеспечение. На попечении братьев была и школа в деревне Салтыковская, а также Берденишская и Асановская начальные школы.

Ирбитское медресе, находившееся территориально не в Екатеринбургском уезде, так-

же поддерживалось финансово братьями Агафуровыми – с этим городом и его ярмаркой, имеющей всероссийскую известность, у Агафуровых были тесные многолетние деловые связи.

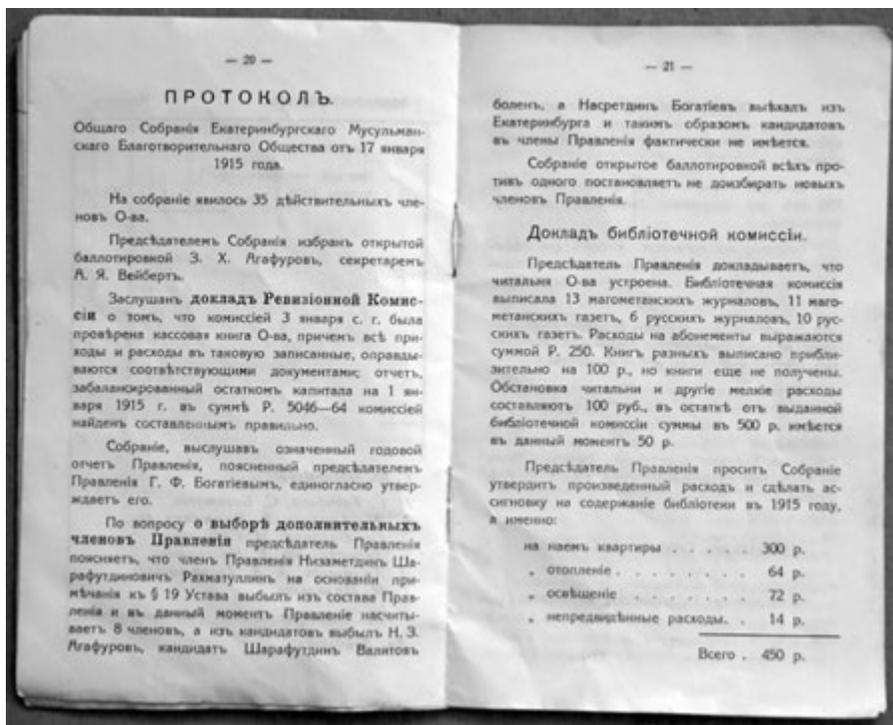
Всего на школьное образование – содержание помещений, оплату учителям и поддержку учеников Агафуровыми было потрачено за 20 лет более 100 тысяч рублей.

Мусульманское Благотворительное общество

Братья всегда старались помогать нуждающимся соплеменникам. Идея привлечения состоятельных жителей города из числа прежде всего мусульман для системной помощи нуждающимся возникла у братьев еще в 1905 году. Общество вспоможения бедным магометанам было зарегистрировано в начале 1908 года, и первым Председателем его был избран Зайнетдин Агафуров.

Однако по-настоящему активной и системной эта помощь становится после перерегистрации общества в январе 1913 года. Оно получает название – Екатеринбургское Мусульманское Благотворительное общество, и Устав его обозначает целью «доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных мусульман г. Екатеринбурга и его окрестностей, без различия пола, возраста и сословия».

Акцент не только на материальном, но и на нравственном состоянии не случаен. Общество, как мы увидим, озабочено и культурной составляющей в жизни мусульман Екатеринбурга, желанием не обособляться, а, напротив, интегрироваться в культурную и

общественную жизнь российского общества в целом.

В состав Благотворительного общества в качестве почетных – пожизненных – членов вошли 18 человек. В их числе все три брата Агафуровы и еще 5 членов их большого семейства – жены и сыновья братьев, а также известный в Екатеринбург купец Фахрутдин Шафигуллович Богатиев.

Примечательно, что к участию в деле помощи нуждающимся мусульманам Агафуровым удалось привлечь и немусульман. Так, в качестве пожизненных членов в Благотворительное общество вошли известный предприниматель, «водочный король Урала» Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл и «табачный король» из Ярославля Николай Николаевич Вахрамеев.

Наиболее яркой и удачно реализованной инициативой Мусульманского Благотворительного общества было создание бесплатной мусульmano-русской библиотеки-читальни. Ее открытие стало настоящим событием для татаро-башкирского населения города. На перво-

начальное приобретение книг на русском и татарском языках была выделена весьма значительная сумма в 500 рублей.

К началу 1914 года библиотека получала 16 русских и 26 мусульманских газет и журналов. Много книг поступало в виде частных пожертвований, и в первую очередь от Агафуровых. В частности, Зайнетдином Агафуровым был передан целый шкаф с литературой на русском и татарском языках. За несколько первых месяцев работы библиотеку посетило 1789 человек, а уже в 1915 году количество пользователей библиотеки превысило 7000 человек.

Разумеется, Общество, как и задумывалось его организаторами братьями Агафуровыми, занималось и конкретной материальной помощью нуждающимся. Выдавались разовые денежные пособия, некоторое время финансировалась работа врача для оказания мусульманам бесплатной медицинской помощи, выделялись деньги на покупку одежды и обуви для бедных учеников мусульманских школ.

Особо значимой такая помощь стала с началом Первой

Мировой войны: Общество взяло на себя расходы тех юных мусульман, чьи отцы ушли на фронт. В этот период в составе Мусульманского Благотворительного общества был образован специальный Комитет-отдел Петроградского «Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям». Этот Комитет изыскивал средства для организации медико-санитарного отряда с целью отправки на фронт.

Благотворительное общество стало также коллективным членом так называемого Романовского комитета, занимавшегося «открытием приютов и ремесленных школ для призрения и воспитания детей воинов».

В 1916 году Екатеринбургское Мусульманское Благотворительное общество оказалось первым в городе и уезде по сумме собранных пожертвований и по количеству изготовленных вещей для действующей армии.

Что касается источников финансирования, то в первую очередь ими были членские взносы участников и частные пожертвования всё тех же Агафуровых и Богатиевых. Иные громкие фамилии известных купцов, вошедших в состав «пожизненных» членов Общества, среди щедрых жертвователей замечены не были, что, увы, подтверждает их в роли «свадебных генералов».

Впрочем, помимо личных взносов, неплохой доход Обществу приносили и его удачные инициативы, к примеру, проведение мусульманских спектаклей, доходы от посещения которых шли в кассу Общества. Организация скачек на ипподроме, аренда кинотеатров, кружечный сбор в мечети и др. – всё это тоже шло на благотворительные цели.

Не только для мусульман...

Разумеется, благотворительность, которой прославились Агафуровы, была адресована не только соплеменникам. И подтверждение этому легко найти, листая подшивки дореволюционных изданий Екатеринбурга.

Так, газета «Уральская жизнь» от 12 января 1908 года в своей заметке сообщает о письме от 200 обитателей ночлежного дома в Екатеринбурге, адресованном Торговому дому братьев Агафуровых, которые откликнулись на призыв общества трезвости и выделили средства на «устройство праздничной елки, покупку угощений, раздачу белья и пр. на прошедших святках».

А эта информация от 1914 года – о значительной сумме,

пожертвованной Агафуровыми на устройство пожарной дружины в селе Багаряк.

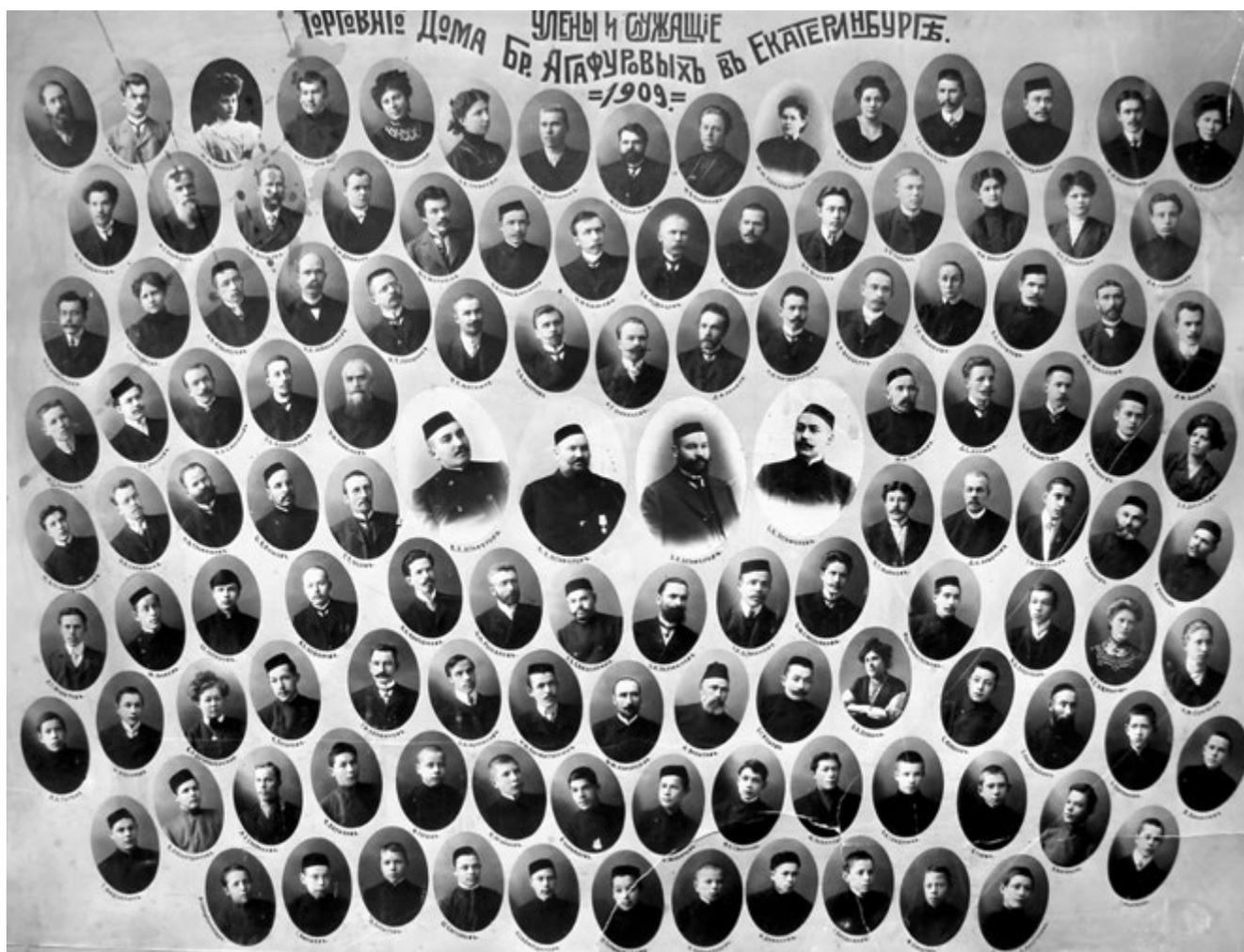
В октябре 1902 года в Екатеринбурге была открыта Торговая школа, в которой готовили служащих для работы в торгово-промышленных заведениях (бухгалтеров, счетных работников, приказчиков). Агафуровы проявили большой интерес к этому начинанию, войдя в Общество вспомоществования ученикам школы, охотно принимая квалифицированных выпускников на работу в свой Торговый дом.

Вообще, к своим работникам братья Агафуровы относились с особым вниманием. При приеме на работу не имели значения ни национальность нанимаемых служащих, ни религиозное вероисповедание – только квалификация и добросовестное

отношение к своим обязанностям. Не было никакой дискриминации и по половому признаку. Так, на общей фотографии служащих Екатеринбургского отделения, сделанной перед юбилеем фирмы, можно видеть немало женщин.

Работа в Торговом доме считалась престижной, и служащие держались за свои рабочие места. Здесь знали, в сложных жизненных ситуациях они всегда могут рассчитывать на помощь владельцев Торгового дома.

Служащие, вступающие в брак, празднующие появление потомства, а также в дни юбилейных дат неизменно могли рассчитывать на щедрые подарки владельцев фирмы. В короткой заметке «Юбилей», напечатанной в газете «Уральская жизнь» 18 января 1911

Юбилейное фото членов Екатеринбургского отделения Торгового Дома «Братья Агафуровы» – к 25-летию фирмы.

года, мы видим замечательную иллюстрацию этого: «На днях Т.д.бр.Агафуровых и его служащие чествовали старейшего из своих сослуживцев – заведывающего розничным отделением С.Н.Перминова, прослужившего 25 лет в фирме. Чествование носило семейный характер. Т.д.бр.Агафуровых выдали юбиляру награду в 1000 р. и поднесли ценный подарок. Подарок поднесли также и его сослуживцы».

Юбиляра, кстати, легко найти на общей фотографии екатеринбургских служащих Торгового дома.

Соблюдая объективность, нужно заметить, что служащие Торгового дома не всегда адекватно отвечали на внимание и доверие к ним со стороны братьев Агафуровых. Впрочем, «в семье – не без уroda». Так, в заметке «Растрата и подлог» от 9 января 1911 года в газете «Уральская жизнь» описывается именно такой случай: «Уличен в подлогах и растрате бухгалтер розничного магазина «Бр.Агафуровых» А.И.Попов: «В декабре 1910, один из розничных покупателей, при требовании с него расчета, заявил, что Агафуровым он ничего не должен и предъявил счет. В торговых книгах записи получения не оказалось, а при сличении записи дневной выручки по розничному магазину со сведениями кассы о действительной выручке оказалось, что запись выручки в торговых книгах была умышленно уменьшена именно на ту сумму, которую Попов получил с покупателя. Расследование таких подлогов на сумму 3700 р. заявлено властям. Попов сознался и растрату обещал пополнить. Но выехал в Вятку с имуществом и обстановкой, где и пойман. Дознанием и следствием выясняется, что в растрате и подлогах виновен не один Попов, и что в

данном деле замешана целая организация».

Вороватого бухгалтера Попова тоже легко найти среди порядочных служащих на юбилейном фото Торгового дома. Подобные случаи были, конечно, исключением и не могли изменить внимательного и уважительного отношения братьев к нанятым служащим.

В праздничные дни Агафуровы частенько приглашали работников фирмы с женами и детьми отдохнуть на их дачах. Здесь устраивались праздничные обеды и развлечения для детей.

...По-видимому, это был один из именно таких дней, когда, по рассказам моего отца – внука Зайнетдина Агафурова шестисемилетнего Бадри, он подрался с каким-то неизвестным ему мальчишкой за место в лодке, в которой катали на пруду детей. Тогда он никак не мог понять, почему он должен уступить свое место и за что его отчитала бабушка Асма – Асма Садыковна Агафурова, жена Зайнетдина...

В самом конце 1908 года исполнялось 25 лет со дня основания Торгового дома «Братья Агафуровы». И, разумеется, эта дата не могла остаться незамеченной ни для торговых партнеров

ров, ни для служащих Торгового дома, ни для самих братьев.

3 января 1909 года по этому случаю был организован юбилейный обед на 100 персон в зале Обухова (ныне Концертный зал им. Ильи Маклецкого – Первомайская ул., д. 22). Присутствует депутация от Городской Думы, вручаются приветственные адреса от служащих всех отделений Торгового дома. Приходит более 400-х поздравительных телеграмм от торговых партнеров и частных лиц.

Один из приветственных адресов, поступивший от служащих Екатеринбургского отделения фирмы, был опубликован пару дней спустя в газете «Уральский край» и заслуживает того, чтобы привести фрагменты из него, так как замечательным образом отражает отношение служащих к самим братьям Агафуровым: «... Долголетние ваши служащие, свидетели ваших трудов и успехов, не раз рассказывали нам, остальным, о том, как старшие члены торгового дома в молодые годы свои наравне со своими сотрудниками работали день и ночь, не покладая рук, над созданием того дела, которое ныне приобрело такую почетную известность в торговом мире; и большинство из нас были свидетелями того неустанного труда, который приложили к расширению дела фирмы также более молодые члены фирмы.

Эта ваша энергия к достижению хорошей цели, энергия, проявленная вами уже в годы молодости и не оставившая вас до сих пор, – вызывает в нас чувство глубокого уважения к вам. И чувство благодарности, которое считаем долгом вам выразить при настоящем случае.

Вследствие вашей энергичной деятельности дело развилось так, что вместо 5, 10 служащих, которых требовало

● 25-лѣтній юбилей.

1-го января 1909 года исполнилось 25 лѣтъ со времени основанія торговаго дома Братья Агафуровы въ Екатеринбургѣ.

Въ ознаменованіе этого торжественнаго дня, фирма внесла 5000 руб. для образованія фонда въ кассѣ взаимопомощи ея служащихъ, которыхъ насчитывается 300 человекъ, и особаго благотворительнаго капитала имени фирмы.

Принося юбиляру-фирмѣ, какъ своему уважаемому сотруднику, искреннія поздравленія, Акціонерное Об-во Граммофонъ отъ себя послало въ образуемый фондъ 250 рублей.

дело в самом начале, ныне штат простирается до 300 лиц, благодаря вашей гуманности поставленных в материальном отношении много лучше, чем вообще в среднем торгово-промышленные служащие России.

А если мы припомним, как вы приходили на помощь, когда жизнь ставила отдельных из нас в затруднительные, иногда и тяжелые положения; когда в памяти нашей проходит вереница благодетельствованных вами людей, — то сугубо влечет нас к выражению вам своей благодарности».

По случаю Юбилея братья Агафуровы решили учредить ссудо-сберегательную кассу для служащих Торгового дома, которая позволила бы работникам преумножать их накопления и пользоваться беспроцентными кредитами для быстрого решения возникающих проблем.

В юбилейном издании, вышедшем к 300-летию Дома Романовых, в статье, посвященной Агафуровым, это событие было описано следующим образом: «В 1908 году Торговый дом праздновал 25-летие своего существования и ознаменовал его поистине выдающимся событием, которое должно бы служить примером для многих — открытием ссудо-сберегательной кассы для служащих по почину членов Торгового дома, отказавшихся от юбилейных подношений от своих поставщиков и собравших в первоначальный фонд кассы 25 тысяч рублей».

Еще один юбилей, который состоялся в 1915 году, стал для Агафуровых очередным поводом для благотворительности. В этот год исполнилось 40 лет с момента первого посещения Зайнетдином Агафуровым Ирбитской ярмарки. Такое событие не могло быть пропущено ярмарочным комитетом, почетным членом которого значительную часть этого срока был Зайнетдин, и в его адрес были направлены поздравления с денежными подарками.

С благодарностью за поздравления Зайнетдин Агафуров выступил в газете «Уральская жизнь» от 1 марта 1915 года: «К сведению г.г. пожертвователей, собравших и подписавших мне в Ирбитской ярмарке сего года по поводу моего 40-летнего непрерывного посещения этой ярмарки, известную сумму денег, сообщаю, что таковая с прибавлением пожертвованной мною лично суммы распределена мною в следующем порядке:

— Через Г.А.Олесова, председателя Екатеринбургского комитета российского общества Красного Креста, для сооружения конного санитарного транспорта на передовых позициях 500 руб.

— Через Ольгу Александровну Лозина-Лозинскую, председательницу Пермского отделения комитета министерства внутренних дел

Статья из Юбилейного сборника, посвященного 300-летию Дома Романовых.

имени Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны на лазарет и склад по заготовлению белья для нужд войск 200 руб.

— Через А.М.Тугаринову, председательницу Ирбитского дамского комитета по изготовлению белья для воинов 100 руб.

— Ирбитскому медресе на обувь и одежду учащимся бедным детям 100 руб.

— Екатеринбургскому мусульманскому обществу 100 руб.

— Для высылки подарков конному Крымскому татарскому Ея Императорского Величества полку* 100 руб.

— Через Оренбургского муфтия Уфимскому комитету по изготовлению белья для воинов 50 руб.

Приношу искреннюю благодарность всем пожертвовавшим и почтившим меня своим вниманием».

Такого рода поступки, когда вырученные не от основной деятельности средства отправлялись на благотворительные цели, были весьма типичными для братьев Агафуровых.

АГАФУРОВЫ – В СПОРТИВНОМ АЗАРТЕ

На первый взгляд, серьезность торгового бизнеса, взвешенность и сдержанность, так необходимые в принятии верных решений при заключении деловых контрактов, где нет места легкомыслию и азарту, не предполагают таковых и в обыденной жизни. Однако, будучи трудоголиками и вполне серьезными и ответственными людьми, братья Агафуровы были открыты и для спортивных увлечений и даже азартны, когда дело доходило до конских бегах.

**«Сядешь и просто
нажимаешь на педаль...»**

Так, длительное время, пока позволяли силы и здоровье, братья Агафуровы были горячими приверженцами велосипедного спорта.

Велосипед не сразу получил признание на Урале. Первые экспериментаторы езды на двухколесном средстве во второй половине XIX века не нашли поддержки в екатеринбургском обществе, и неудивительно: сделанные вручную умельцами эти двухколесные монстры справедливо называли костотрясами.

Но прогресс не стоит на месте, появлялись экземпляры, изготовленные за границей, где развитие велодвижения шло явно быстрее. И к 1886 году, когда энтузиасты нового вида спорта зарегистрировали в Екатеринбурге Общество велосипедистов-любителей, в нем оказалось ни много ни мало 6 членов. Правда уже через год их число выросло до 37 человек и в дальнейшем продолжало потихоньку увеличиваться.

Братья Агафуровы были чутки ко всему новому и, конеч-

но, тоже присоединились к любителям велосипедов. Трудно с точностью сказать, когда это произошло – во всяком случае, в состязаниях велосипедистов Агафуровы принимали участие уже в середине 1890-х годов. Но вот что можно утверждать с определенностью, так это то, что именно благодаря их участию на рубеже смены веков велосипедный спорт в Екатеринбурге начал развиваться быстрыми темпами.

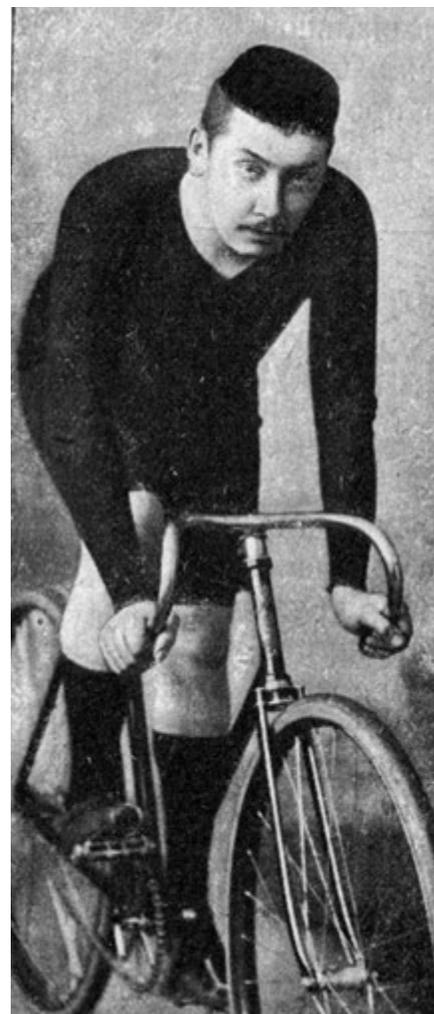
В начале 1900 года при активном содействии Камалетдина Агафурова, уже имевшего к тому времени серьезный авторитет в деловых кругах Екатеринбурга, Общество велосипедистов заключило договор с Управлением Верх-Исетскими заводами о взятии в аренду на 12 лет (с возможностью ее продления) участка земли размером по длине 150 и ширине 50 сажень (то есть, примерно, 300 на 100 м) для устройства велодрома.

Казначеем комиссии, созданной для контроля за проведением строительных работ, был избран Камалетдин Агафуров, что неудивительно, ведь первые 500 рублей в виде беспроцентного кредита для начала строительства выделил именно он. Ускоренные темпы строительства потребовали от него дополнительных личных вложений. А работа предстояла немалая. В косогоре необходимо было вырыть огромную ровную площадку необходимого размера, засыпать песком со шлаком и тщательно утрамбовать.

Постройка была начата 5 июля 1900 года, а уже 3 сентября состоялось торжественное открытие с проведением первого велосипедно-атлетического состязания! Как отмечалось в Кассовом отчете Общества за период с 1 апреля 1900 года по 1 апреля 1901 года, «...Мечта Общества съ самого учреждения

его (8 июня 1886 г.) о сооружение велодрома наконец осуществилась, чем несомненно общество обязано много потрудившемуся и затратившему не мало своих средств Камалетдину Хисаметдиновичу Агафурову. Не лишне будет отметить также выдающуюся деятельность председателя комиссии Леопольда Яковлевича Шиллинга и члена – Владимира Васильевича Линдера».

В этот период в состав Екатеринбургского Общества велосипедистов и любителей физического развития – так оно теперь называлось – входили в качестве Почетных членов Камалетдин и Кашафетдин Агафуровы, а среди действительных членов отметились Зайнетдин Агафуров и сын Камалетдина – двадцатидвухлетний

Садритдин Агафуров.

Садретдин с женой – восемнадцатилетней Марьям.

До постройки велодрома любители велосипедного спорта вынуждены были состязаться на городском ипподроме, не слишком приспособленном для велосипедных гонок. Тем не менее, состязания, в которых принимали участие и Агафуровы, проходил здесь нередко. Некоторые виды тех соревнований по нынешним меркам выглядят довольно экзотическими.

К примеру, гонки на 1 версту – не прикасаясь к рулю руками! Или так называемая гонка «Джигит», когда велосипедист должен был в трех местах по ходу гонки «спешиться», чтобы взять предназначенный ему флажок и вновь продолжить путь.

Среди гонок была и такая разновидность, как «гит с ходу» на полверсты, когда фиксировалось время не от начала движения, а от определенной отметки, когда велосипедист уже набирал скорость. Для победы нужны были атлетические качества и развитое дыхание. В этом виде нередко побеждал К.Х.Агафуров – так

отмечено в отчетах о соревнованиях за 1896 год

Впрочем, вряд ли в этих инициалах есть интрига. Победителем наверняка был полный сил, двадцатичетырехлетний Кашафетдин. Постаревшему грузноватому Камалетдину было уже сорок три года, и он скорее мог участвовать в другой экзотической разновидности – гонке «наоборот», называемой в отчете «тихий ход», что означало необходимость как можно медленнее преодолеть заданное расстояние.

Кстати, и в этом виде «гонок» частым победителем был также Агафуров, «зашифрованный» инициалами К.Х.

Сказать, что сооружение, построенное при активном участии Камалетдина Агафурова, было просто велодромом, неверно. По сути, это был первый в Екатеринбурге спортивный комплекс. Для него были приобретены гимнастические снаряды, штанги, гири, сооружена арена для борьбы.

Неслучайно состязания, объявляемые в афишах, на-

зывались «велосипедно-атлетическими». Ведь в программе были не только велосипедные гонки, но и состязания в поднятии гирь, борьбе, беге и прыжках. В зимнее время дорожки велодрома заливались льдом, и проводились состязания конькобежцев и даже состязания в «фигурной езде».

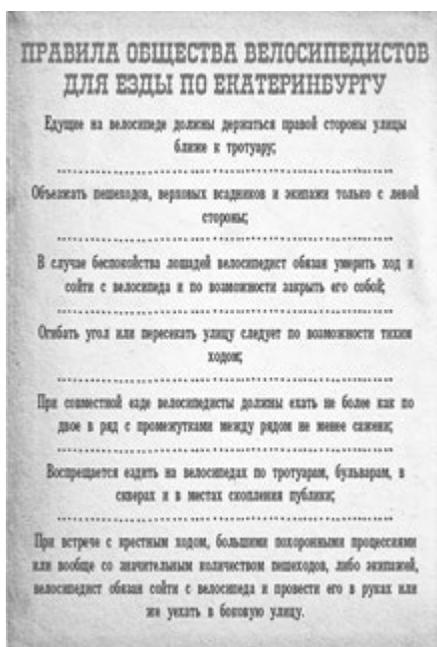
Строительство велодрома стало серьезным прорывом в развитии спорта в Екатеринбурге и на Урале. В 1908 году здесь состоялись первые в городе мотогонки, а в 1913 году проведен первый в Екатеринбурге футбольный матч.

Мог ли представить Камалетдин Агафуров, что спустя полвека, в 1959 году, на новом – Центральном стадионе, построенном на месте велодрома, пройдет Чемпионат мира по конькобежному спорту, а через сто с лишним лет – на обновленном стадионе – и Чемпионат мира по футболу!

Что же касается велосипедов, то очень скоро они перестали быть только спортивным инвентарем, став в Екатерин-

Велосипедисты – приказчики Торгового Дома «Братья Агафуровы».

бурге привычным городским средством передвижения. Агафуровы и здесь не остались в стороне, всячески поощряя своих служащих добираться на работу двухколесным транспортом.

Велосипедистов становилось так много, что уже в 1902 году комитет Общества велосипедистов и любителей физического развития (ЕОВиЛФР) вынужден был разработать первые правила уличного движения на велосипедах по городу.

Массовое увлечение велосипедами порой приводило и к нежелательным казусам. Так, газета «Уральский край» 2 августа 1908 года в своей заметке сообщала: «Нас просят отметить совершенно справедливое негодование публики по адресу любителей велосипедного спорта, избравших для этого ареной Верх-Исетский бульвар. Ежедневно здесь по обеим пешеходным аллеям устраивается нечто вроде велосипедной гонки. При этом, нимало не стесняясь присутствия пешеходов, «гонщики», желая щегольнуть друг перед другом удалством, позволяют себе совершенно неуместные приемы, как например, езду без руля. Такого рода развлечения могут легко, в кон-

це концов, привести к печальным результатам».

И какой... татарин не любит быстрой езды

Другим увлечением Агафуровых стали конские бега. Для большинства обывателей что скачки, что бега – одно и то же и всегда подернуто неким полукриминальным флером: тотализатор, мошенничество, «смертельные» ставки, разорение от безудержного азарта!

Конечно, Агафуровы были далеки от подобных страстей, хотя по-человечески вполне могли испытывать азарт на конских бегах. Тогда зачем?

Дело в том, что завсегдатаями конских бегов и активными членами Екатеринбургского общества охотников конского бега были прежде всего те, кто входил в элиту города: известные купцы, промышленники, общественные деятели, банкиры, чиновники. Будучи уже известными и успешными купцами, братья Агафуровы были просто обязаны соответствовать своему статусу, поддерживать и укреплять его.

Именно поэтому к своему увлечению они подошли впол-

не серьезно, как, впрочем, были серьезны и ответственны в любви своем начинании. На территории обширной усадьбы на Усольцевской ими была устроена конюшня. Скаковые лошади приобретались у известных коннозаводчиков по рекомендациям знатоков.

В отличие, к примеру, от их хорошего знакомого, известного в Екатеринбурге предпринимателя Железнова, никто из братьев сам не принимал личного участия в качестве наездника. Приходилось нанимать и наездников, и тренеров для лошадей. Увлечение было довольно затратным, но помимо адреналина оно приносило и денежный доход в виде призов на скачках.

Завсегдатаям тотализаторов были хорошо известны имена агафуровских рысаков: Пелым, Листопад, Воображаемый, Зарок – часто именно они становились призерами на бегах.

Выигранные деньги братья Агафуровы неизменно отправляли на благотворительные цели. Позже, с образованием Екатеринбургского Мусульманского Благотворительного общества, братья поняли, что конские бега могут стать

Конские бега на Екатеринбургском ипподроме.

серьезным подспорьем к исполнению благотворительного фонда. С этой целью братья не раз арендовали ипподром для проведения специальных благотворительных состязаний, доход от которых шел исключительно в фонд Общества.

Агафуровы пользовались неизменным уважением среди членов Екатеринбургского общества поощрения коннозаводства – так стало называться Общество любителей конского бега, начиная с 1904 года. А старший из братьев Камалетдин Агафуров на протяжении многих лет неизменно избирался казначеем Общества.

«МАРШЪ АГАФУРОВЪ»

Загадочная пластинка

Да, именно так, не Агафуровых или Агафурова, а просто «Агафуров», написано на этикетке граммофонной пластинки, выпущенной компанией «Зонофон» в ноябре 1910 года. О чем должно говорить такое необычное название? Смешно думать, что оно вызвано ошибкой производителя, пропустившего одну букву при подготовке этикетки к печати. Случаи опечаток в тексте этикетки в истории граммофонной промышленности нередки, но не в названии же!

Быть может, такое название задумано не столько для

того, чтобы подчеркивать принадлежность к знаменитой на Урале семье, а несет какой-то иной смысл? Например, привлекает внимание к характеру музыкального произведения, который должен вызвать у слушателя прямые ассоциации с особенностью или, точнее сказать, самой сутью знаменитой семьи. По крайней мере, такой, какой она виделась автору музыки!

Эта пластинка – сборник загадок!

Екатеринбург начала XX века знал много замечательных в том или ином отношении имен: богатейшие представители торгового и промышленного бизнеса, золотопромышленники, общественные деятели – однако никто из них не удостоился чести подарить свое имя музыкальному произведению! Что подвигло композитора посвятить свой опус именно Агафуровым?

Капельмейстер Отто Кассау

Автор музыки к этому удивительному маршу, к сожалению, не обозначен на этикетке пластинки, но рекламный листок, или, как сейчас бы сказали, релиз фирмы в свое время сообщал, что «в ноябре 1910 года в продажу выпущены следующие двусторонние Зонофонные пластинки...» Среди них перечислен и «Марш Агафуров» с указанием автора музыки – Кассау.

Маршу «повезло». В объявлении не случайно гордо подчеркнуто, что пластинки – двусторонние. Это были первые партии подобной продукции, до этого «Зонофон» выпускал ставшие уже к тому времени среди крупных производителей архаичными односторонние пластинки, а полностью от них отказался лишь к 1911 году.

Отто Кассау был талантливым музыкантом, родившимся и получившим образование в Германии. Известно, что судьба по какой-то причине приводит его в Петроград, а потом и в Екатеринбург, где с 1905 по 1909 год он служит капельмейстером, дирижируя оркестром Екатеринбургского Общественного собрания.

Именно в этот период оркестр становится ведущим музыкальным коллективом в

пропаганде серьезной симфонической музыки. По словам современника, «он (Кассау) много потрудился, чтобы превратить наш клубный (для танцев) оркестр в симфонический», а его программы «дают право Екатеринбургскому гордиться тем, что в далекой провинции можно наслаждаться симфоническими оркестрами, доступными в большинстве случаев лишь большим музыкальным центрам». (Из статей Н.В.Никитина и Л.К.Шабалиной «Из истории становления симфонических сезонов в Екатеринбургском Свердловске (1880–1930)»).

Загадки марша

И вновь перед нами очередная загадка: зачем музыканту и композитору, тяготеющему к симфонической музыке, автору камерных фортепианных произведений и романсов, один из которых остается популярным и в наше время, входя в репертуар современных исполнителей (романс «Ты полюби» на стихи Евгении Чебышёвой-Дмитриевой), браться за сочинение марша для духового оркестра?

Очевидно, что это был заказ. Но чей? Самих Агафуровых? Приуроченный к какому-то

юбилею? Например, к 25-летию Торгового дома. Но ведь юбилей уже состоялся почти два года назад!

Хотя от написания музыки до ее записи на студии (а записана она была в Лондоне 25 июля 1910 года в исполнении собственного оркестра компании Зонифон Black Diamonds), а затем изготовления граммофонных пластинок и отправки их в торговую сеть или заказчику проходит немало времени, но, всё же, не два года!

Быть может, она предназначалась как подарок Зайнетдину Агафурову, чей 50-летний юбилей предстояло отметить через пару месяцев после появления пластинок? А может быть, этот марш заказали екатеринбургскому композитору сами Агафуровы то ли из тщеславия, то ли в рекламных целях – ведь граммофоны и пластинки широко продавались во всех универмагах Торгового дома? Тем более, что выпуск пластинок «Марш Агафуров» не был разовым. Судя по разным этикеткам этого артефакта, встречающегося сегодня у коллекционеров, граммофонная пластинка выпускалась и дополнительно тиражом.

Разгадать эти загадки вряд ли кому-то удастся. Не смогу этого сделать и я. До начала двухты-

сячных не было вообще никаких упоминаний об этой пластинке. Не говорилось о ней и в моей семье ни отцом, ни бабушками – дочерьми Зайнетдина Агафурова. Впервые я услышал о ней более десяти лет назад от Адима Тагирова – внучатого племянника жены Зайнетдина Асмы Садыковны Агафуровой, который утверждал, что в детстве видел пластинку с «маршем, посвященным Агафуровым» у себя в семье.

Не вполне доверяя этим воспоминаниям, я начал собственный поиск, и через некоторое время убедился в правоте Адима Тагирова – мне удалось найти раритетный экземпляр и выкупить его у одного из коллекционеров.

Музыкальная губадия

Чувства, которые я испытал при первом прослушивании, были сродни шоку! Музыкальная эклектика была через край! «Какой же это марш?», – думал я, привыкший к четкому ритму, под который стройно маршируют колонны! Но чем больше я слушал его, тем больше он меня покорял!

«Марш» раскрывался передо мной подобно старинной шкатулке, завораживая

АГАФУРОВЫ В РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКЕ

Мусульмане Агафуровы

В отношении религиозных предпочтений или религиозной принадлежности всех членов большого семейства Агафуровых двойных толкований нет – все они были мусульмане, то есть, исповедовали Ислам. Правомерным может быть лишь вопрос, насколько истовыми, до какой степени религиозными они были в обычной жизни.

То, что можно весьма условно обозначить как соотношение «светскости» и религиозности применительно к разным поколениям Агафуровых, было, конечно же, неодинаковым.

Можно, не боясь сильно ошибиться, утверждать, что чем выше был уровень светского образования у молодого поколения Агафуровых, тем меньше религиозного рвения было в них. Да и не стоит забывать, что именно для начала двадцатого века особенно характерно ослабление религиозных догматов. Прежде всего, разумеется, в христианстве. Но и Ислам эта участь не миновала.

Думается, третье поколение, следующее за братьями Агафуровыми, уже не былоотягощено обязательностью соблюдения строгих религиозных практик. В связи с этим интересна запись, сделанная сыном Камалетдина – Садретдином в его «китайском» дневнике, речь о котором пройдет в Главе 5: «11 сентября 1942 год. Шанхай. Началась Ураза. 13 день Розия держит уразу».

Специальная запись о том, что дочь Садретдина Розия решила «держатъ Уразу», то есть мусульманский пост, лучше других свидетельств говорит о необычности, во всяком случае для нее, этого поступка.

многослойным содержимым. Бравурное шествие внезапно сменялось легкомысленным симфоническим танцем в тонкой виньетке восточных мотивов и вновь, строгий торжественный марш – то, что поначалу казалось несовместимым, вдруг становилось удивительно гармоничным.

Ай да Отто Карлович! Немец написал татарский марш, оставляющий такое же волшебное послевкусие, как многослойная татарская губадия! И, кажется, уже не так важно, какие смыслы закладывал композитор – результат получился замечательным!

Теперь эта музыка, «прописавшаяся» рингтоном на моем телефоне, не оставляет меня ни на день!

Что же касается автора этого маленького шедевра, то к моменту выхода пластинки он по неизвестным причинам покинул свой оркестр и перешел, возможно, на более выгодную оплату, в «кинематограф Имшенецкого» здесь же, в Екатеринбурге, чтобы дирижировать оркестром, сопровождая кинематографическое действие на экране.

Через три года в этом же качестве он появляется на Крещатике в Киеве, в кинотеатре А.А.Шанцера, где так же, правда, уже в качестве «свободного художника», как писалось в газетном объявлении, дирижирует симфоническим оркестром. Последний раз интернет напоминает о нем как о композиторе

снятой в 1921 году в Германии киноленты «Die Abenteuer der schönen Dorette» («Приключения прекрасной Доретты»). Поскольку полноценный звуковой кинематограф к тому времени еще не появился, то, скорее всего, музыка, написанная Отто Карловичем, была так же предназначена для исполнения оркестром во время сеанса кинопоказа...

Означает ли это, что, нигде не прижившись, Отто Кассау в итоге возвращается на родину в Германию? Возможно, хотя «всевидящий интернет» дает основание сомневаться в этом.

Так, в Метрической книге Знаменской Входаиерусалимской церкви Петрограда осталась запись, сделанная 30 апреля 1917 года о венчании православного мещанина города Колпино Петроградской губернии 22-х летнего Николая Алексеевича Калугина с православной мещанкой города Екатеринбурга Пермской губернии 18-летней девицей Марией Оттовной Кассау. При этом в качестве поручителей со стороны невесты выступают «мещане города Екатеринбурга Виктор Оттович Кассау и Отто Карлович Кассау»!

Значит, не такой уж перелетной птицей оказался Отто Карлович Кассау, пустив корни в России. Возможно, и сегодня в нашей стране живут потомки композитора, написавшего этот удивительный опус – «Маршъ Агафуровъ».

Соборная (Агафуровская) мечеть в Перми.

Однако, возвращаясь к «первому поколению» Агафуровых, то есть, к самим братьям, трудно представить, чтобы трудоголики Камалетдин и Зайнетдин, пробивавшие себе дорогу непрерывным трудом, в том числе и физическим, скрупулезно следовали всем религиозным требованиям правоверного мусульманина и неукоснительно совершали, к примеру, намаз или держали пост!

И всё же, старшее поколение семьи, представленное Хисаметдином и его сыновьями Камалетдином и Зайнетдином, и, возможно, в меньшей степени Кашафетдином, было воспитано в традиционных принципах мусульманского вероучения и богопоклонения. И потому неслучайна активность братьев в финансовом и организационном участии в строительстве мечетей.

Попытки братьев получить разрешение на постройку соборной мечети в Екатеринбурге не имели успеха из-за того, что численность мужского мусульманского населения в городе была ниже квоты, предписанной имперским законодательством. И братьям пришлось ограничиться созданием модельного дома в одном из принадлежащих им зданий на улице Студёной (ныне ул. Маршала Жукова).

Соборная мечеть в Нижнем Новгороде.

Наряду с состоятельными пермскими купцами Ибатуллиным, Тимкиным и др. Агафуровы участвовали в строительстве соборной мечети в Перми, и вклад их был, по-видимому, весьма значительным, поскольку долгое время пермское население называло построенную мечеть Агафуровской.

Вместе с касимовскими купцами Девিশевыми, породнившись с агафуровским семейством, братья принимали финансовое участие и в строительстве мечети в Нижнем Новгороде.

В течение многих лет Агафуровы поддерживали финансово и мечеть в Ирбите.

Желание облегчить юным соплеменникам доступ к получению начального религиозного образования в Екатеринбурге и уезде привело братьев к решению о создании мектебов в городе и поддержке их в Екатеринбургском уезде, о чем уже писалось ранее.

Надо подчеркнуть – Агафуровы всегда были открыты новому. Обучение юных мусульман в школах, опекаемых Агафуровыми, через некоторое время стало осуществляться по так называемому новометодному способу, пропагандируемому Исмаилом Гаспринским и другими прогрессивными му-

сульманскими просветителями.

На смену древнему буквослагательному способу и схоластическому зазубриванию пришел новый значительно более результативный метод обучения – звуковой. А помимо традиционных для таких школ предметов, не выходящих за рамки сугубо религиозного образования, стали вводиться такие дисциплины, как арифметика, геометрия, география и история.

Лучше многих других соплеменников братья Агафуровы понимали важность и необходимость изучения русского – имперского языка. Без этого достичь каких-либо вершин за пределами религиозной деятельности в Российской Империи было бы невозможно.

В том, чтобы включить русский язык в качестве обязательного предмета для преподавания в содержащихся ими мусульманских школах, братья Агафуровы нашли горячую поддержку у муллы Гирфана Рахманкулова, который был приглашен ими для заведования учебным процессом в мектебах. Этот человек стал настоящей находкой для прогрессивных братьев.

Процесс перехода на новые методы обучения проходил в России не гладко. Муллы-кади-

мисты – приверженцы старых методик – всячески препятствовали этому. Не обошлось без противодействия и в Екатеринбурге. Противостояние, замешанное на личной неприязни к прогрессивному имаму Рахманкулову, воплощалось в анонимных жалобах и подметных письмах губернскому начальству.

Зная, какие струны лучше всего использовать в подобного рода кляузах, анонимы обвиняли Гирфана Рахманкулова в нелояльности губернским властям, связях с Турцией и, тем самым, подрыве имперской безопасности. При этом тень подозрения должна была упасть и на самих Агафуровых, которые «потворствовали» деятельности имама.

К счастью, все эти наветы не имели никаких последствий ни для Рахманкулова, ни для Агафуровых, хотя и заставили жандармское отделение взять под более пристальный контроль просветительскую и общественную деятельность екатеринбургского имама, да и самих Агафуровых.

Незаурядная фигура муллы – ахуна Гирфана Рахманкулова заслуживает того, чтобы рассмотреть ее более подробно.

Имам Рахманкулов

Башкир по национальности Гирфан Шахильмарданович Рахманкулов родился в 1874 году в семье имама в одном из сел Уфимской губернии. Начальное образование получил в мектебе Стерлитамака, а затем продолжил обучение в известном медресе «Усмания» города Уфы. Энергичный молодой человек проявил себя с наилучшей стороны, и уже в 1900 году, выдержав положенные экзаменационные испытания, получает звание имам-хаттыба и мударриса в Оренбургском Ма-

гометанском духовном собрании (ОМДС). В качестве пояснения отметим, что в ведении и подчинении ОМДС находились все мусульмане Российской Империи кроме Таврической области, Кавказа и Средней Азии

Гражданская активность Рахманкулова как священнослужителя и российского патриота особенно проявилась в годы Русско-Японской войны. В этот период Гирфан Рахманкулов становится Главным муллой при Штабе войск Приамурского военного округа по назначению Департамента Инославных исповеданий.

Позже, уже в бытность Рахманкулова в Екатеринбурге, разбирая по поручению вышестоящего начальства очередную кляузу на него, ротмистр Красковский – помощник Начальника Пермского Губернского Жандармского Управления (ПГЖУ) – в своем отчете докладывал: «Указной Имам г. Екатеринбурга Гирфан-Шахиль-Марданович РАХМАНКУЛОВ глубоко уважаем не только местными мусульманами, как их духовное лицо, но даже и правительственными представителями всех ведомств, давшими мне наилучшие отзывы о нравственных, служебных и верноподданнических качествах этого Имама, состоявшего во время Русско-Японской войны при Штабе Русской Действующей Армии, когда Имам Рахманкулов за храбрость, выдающуюся энергию и необыкновенно благотворное влияние на религиозные и морально-боевые качества бойцов-мусульман и за укрепление их в преданности «Русскому Белому Царю» удостоился Высочайше пожалованных боевых наград, а за выражение от лица мусульманского населения верноподданнических чувств в момент

важных исторических событий в России – Высочайше объявленных благодарностей».

Остается лишь добавить, что в этот период Гирфан Рахманкулов был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

После войны Рахманкулов отправляется на Ближний восток, где совершенствует свои знания в университетах Каира, Бейрута, посещает Мекку и Медину, продолжает обучение в Стамбуле. По возвращении на Родину он какое-то время работает помощником директора Оренбургского медресе «Хусания», пока при посредничестве Гади Тагирова – Главного кассира Екатеринбургского отделения Торгового дома «Братья Агафуровы» не происходит его знакомство с Агафуровыми.

Братья приглашают высокообразованного муллу для заведования учебным процессом в свои екатеринбургские начальные школы. Обосновавшись в Екатеринбурге, Гирфан Рахманкулов знакомится с молодой учительницей из Каслей – Сагидой Гизатуллиной, у которой уже был небольшой опыт преподавания в одном из Троицких медресе. Став женой Гирфана, Сагида переезжает к мужу и тоже начинает преподавать в женском мусульманском медресе, открытом братьями Агафуровыми.

Агафуровы активно поддерживают Рахманкулова. Будучи не только талантливым педагогом, но и в целом незаурядной личностью, он быстро завоевывает авторитет в мусульманском сообществе Екатеринбург, становясь его духовным лидером. Вскоре прихожане агафуровского молитвенного дома избирают его на должность 1-го муллы, а Пермское губернское правление подтверждает это, закрепляя за ним звание имама-хаттыба и мударриса.

При поддержке Агафуровых он проявляет себя не только как религиозный, но и как общественный деятель – становится действительным членом Екатеринбургского мусульманского благотворительного общества, а позже и членом его правления. Будучи активным членом этого общества, Рахманкулов выступил одним из инициаторов создания при нем общедоступной мусульmano-русской библиотеки и, вообще, показал себя активным поборником изучения русского языка в мусульманских школах.

Разбираясь по поручению губернатора в очередной анонимке, Генерал-майор Ф.Э.Фортвенглер, уполномоченный по охране в Екатеринбургском и Верхотурском уездах, в своем отчете, ссылаясь на инспектора народных училищ 1-го района Крылова, писал, что тот: «...В деятельности означенного муллы, как заведующего двумя Екатеринбургскими мехтебами, ничего предосудительного не замечал, но, наоборот, ...благодаря только исключительно стараниям муллы Рахманкулова при Екатеринбургских мехтебах за счет мусульманского общества существуют два русских класса».

С началом Первой Мировой войны Гирфан Рахманкулов стал активным членом комитета-отдела петроградского «Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям».

Летом 1919 года Агафуровы покидают с отступающими белыми частями Екатеринбург – впереди эмиграция. Но Рахманкулов остается. Трудно сказать, было ли это его самостоятельное решение, или что-то помешало ему покинуть город.

Большевики не сразу закрыли молельный дом, созданный братьями Агафуровыми, и око-

ло 10 лет Гирфан Рахманкулов прожил со своей семьей из 9 человек в небольшой комнате в этом доме № 8 по Студёной улице, носившей уже новое название – улица Допризывников.

Он продолжал работать учителем начальной мусульманской школы и числился муллой при этом молельном доме, из-за чего был лишен избирательных прав. После окончательного закрытия в 1930 году молельни работал чернорабочим-землекопом, чернорабочим-резчиком на фабрике жестяных изделий и, наконец, сторожем.

К началу 1940-х Гирфан Рахманкулов вернулся в деревню, откуда был родом, был арестован, но вскоре отпущен. Как и когда закончился земной путь этого незаурядного человека, к сожалению, неизвестно.

Кадет Зайнетдин Агафуров

Политические пристрастия Агафуровых нагляднее всего удастся проследить на примере самого активного из братьев на ниве общественной деятельности – Зайнетдина Хисаметдиновича Агафурова. Либерально-демократические взгляды Зайнетдина, думается, были характерны и для большей части агафуровского семейства.

Не лишне отметить, что начало XX века в Российской Империи характеризовалось безусловным подъемом общественно-политической активности во всех слоях населения. И тому было много объективных причин, которые, будучи сплетенными в единый клубок, послужили толчком будущих революционных потрясений в стране.

Рост численности населения и обнищание крестьянских хозяйств на фоне неразвитых капиталистических отношений, растущий уровень коррупции,

бюрократии при бездействии государственных органов, ограничение гражданских и экономических свобод, низкий уровень зарплат рабочих и 12–14 часовые рабочие дни, типичные для промышленных предприятий, – всё это, при чрезвычайно отсталой в сравнении с другими европейскими странами и неэффективной политической системе, подталкивало страну к неизбежному кризису.

Унизительное поражение в русско-японской войне 1904–1905 годов подорвало как международный авторитет страны, так и авторитет власти внутри страны и уверенность народа в ее состоятельности.

На этом фоне в стране возникают политические движения, союзы, партии, выражающие интересы самых разных групп населения, а порой паразитирующие на этих интересах и чаяниях. Спектр их чрезвычайно широк: от революционеров-террористов в крайней левой части спектра до махрово-черносотенного монархистского Союза Русского народа в его крайней правой части.

Неслучайно именно в это время возникает потребность в политической силе, которая бы объединила демократическую просвещенную часть населения, понимающую, что страна нуждается в коренных переменах, осуществляемых ненасильственным путем.

Такой политической силой становится Конституционно-демократическая партия, созданная в конце 1905 года. Ее создатели и лидеры, такие как Павел Милюков, Андрей Шингарёв, Владимир Набоков, работая над программой новой для России партии, сделали ее средоточием надежд и мечтаний, которыми жило не одно поколение российских либералов.

В программе было зафиксировано положение об отмене вся-

ких ограничений по сословному или национальному признаку – все граждане должны быть равны без различия пола, вероисповедания и национальности. В государстве, где православие являлось государственной религией, кадеты выступили с проповедью свободы совести и вероисповедания!

Исходя из этих принципов, должно было формироваться и избирательное право. Иначе говоря, кадеты требовали предоставления равных, прямых и тайных избирательных прав, в том числе и женщинам. Сейчас это может показаться странным, но в начале XX века такого не было даже в самых демократических государствах!

Партия Народной Свободы – а именно такое дополнительное название получила через короткое время партия Конституционных демократов – предлагала и решение «крестьянского вопроса» через наделение крестьян землей не только за счет государственных и монастырских земель, но и за счет «отчуждения» частновладельческих – помещичьих земель, правда, не путем их изъятия, как это сделали позже большевики, а путем их «выкупа».

Были предусмотрены и программные шаги в отношении рабочего класса, через установление 8-часового рабочего дня и защиту трудовых прав рабочих.

Гирфан Рахманкулов с женой.

Одним словом, политическим идеалом кадетов было правовое государство, построенное по образцу и подобию европейских конституционных государств с широким набором гражданских прав и свобод. При этом, стараясь дистанцироваться от излишней «левизны» и насилия, кадеты видели государственное устройство России в виде монархии, ограниченной Конституцией и законодательной деятельностью Парламента.

Хотя кадетскую партию и называли, особенно поначалу, партией профессоров, подчеркивая культурно-образовательный уровень ее создателей, всё же социальный состав ее был достаточно разнообразен. В нее вошли и либерально настроенные землевладельцы, и средняя городская буржуазия (промышленники, купцы, банкиры), и широкая интеллигенция (учителя, врачи, служащие).

В период революционного подъема 1905–1907 годов в партийных организациях Конституционно-демократической партии также состояли или активно поддерживали ее многие рабочие, ремесленники и крестьяне.

Либерально-демократические взгляды были близки Агафуровым. И нет ничего странного, что в эту партию решил вступить успешный показать себя неравнодушным и активным на общественной ниве Зайнетдин Агафуров.

Это тем более не удивительно, если знать, что в этот особенный период политической активности общества в новую партию со столь прогрессивной политической программой вступили очень многие уважаемые люди Екатеринбурга, и даже такие, как Городской голова Иван Константинович Анфиногенов и Председатель биржевого комитета Павел Васильевич Иванов.

Зайнетдин Агафуров не был среди публично ярких деятелей Кадетской партии Урала, таких, как, к примеру, Лев Кроль или Александр Спасский. Тем не менее, пребывание в партии не стало для ответственно относящегося к любому делу Зайнетдина ни к чему не обязывающей формальностью или приятной синекурой.

В разгар стачечного движения в ноябре 1905 года он вносит крупную сумму в фонд бастующих рабочих трех заводов Екатеринбурга, продолжает финансовую поддержку газеты «Уральский край», ставшей, по сути, печатным органом уральских кадетов. Редактор этого издания Александр Михайлович Спасский возглавил Екатеринбургский областной комитет партии кадетов.

Партийная принадлежность Зайнетдина Агафурова была не только обременительной с финансовой точки зрения, но и совсем не безопасной. Деньги, как известно, «любят тишину», а публичная деятельность на политическом поприще вполне могла представлять опасность и

для бизнеса Агафуровых, и для них самих. Это стало особенно ясно после роспуска Императором 1-й Государственной Думы, в составе которой более, чем на треть были представлены именно кадеты.

Правительство увидело в них силу, направленную на подрыв самодержавия, и в своей борьбе с забастовками и вооруженными выступлениями рабочих «попутно» обрушило репрессии и на слишком активных кадетов – многие из них были арестованы и получили пусть и небольшие, но тюремные сроки.

На смену революционно-му подъему общества пришло время реакции. Тем не менее, Зайнетдин Агафуров не вышел из Партии Народной свободы, оставаясь в ней до самых переломных лет в истории Российского государства. А в августе 1918 года, после освобождения Екатеринбург белочехами, вновь выдвигался от партии кадетов в гласные Екатеринбургской городской думы, переживающей короткое возрождение.

Национальное возрождение без национализма

Интерес Зайнетдина Агафурова – татарина и мусульманина – к Конституционно-демократической партии, программа которой провозглашала равенство граждан всех религий и национальностей, проживающих в России, абсолютно понятен. Стремление достичь равенства в гражданских правах и, что не менее важно, в равенстве возможностей для соплеменников на просторах Российской Империи, для Зайнетдина было так же важно, как и достижение личного успеха.

Надо признать, что положение мусульман – татар и башкир Поволжья, Урала и Сиби-

ри – в отношении прав было несколько лучше, чем в Крыму, Закавказье или Средней Азии. Выше был и уровень доверия к ним имперской власти: в отличие, например, от горцев Кавказа и мусульман Средней Азии, они наравне с русскими призывались в Императорскую армию. Это факт немаловажен, ведь воевать приходилось и против единоверцев – мусульман Османской Империи.

Вместе с тем, возможности татар и башкир в отношении национально-культурного развития, светского образования, продвижения по социальному лифту были далеки от равноправия. Религиозная деятельность мусульман находилась под неусыпным контролем жандармского управления и регламентировалась департаментом при Министерстве внутренних дел.

В этот период – начало века, годы первой русской революции и последовавшей за ней реакции – в среде просвещенных мусульман Российской Империи появляется много замечательных имен тех, кто смыслом своей деятельности сделали борьбу – от просветительской до откровенно политической – за освобождение мусульман, и, в первую очередь татар и башкир, от ограничений и давления царской власти.

Среди них, к примеру, писатель, публицист и политик, ставший классиком татарской литературы Гаяз Исхаки (1878–1954), башкирский просветитель, религиозный политический и общественный деятель Габдулхай Курбангалиев (1889–1972), юрист, государственный и общественно-политический деятель Садри Максуди (1878–1957), проповедник и публицист Абдурашид Ибрагимов (1857–1944) и ряд других.

Характерно, что многие из тех, кто искренне боролся про-

тив русского имперского шовинизма за свободное развитие мусульманского населения России, сами грешили националистическим душком, а порой и вовсе скатывались до уровня примитивного национализма. Так, в своей докладной записке Колчаку в мае 1919 года упомянутый нами Габдулхай Курбангалиев писал: «Татары (пришлый элемент в Башкирии, численностью 5 %), пользуясь этим, стараются вернуть свое господствующее положение над другими народностями мусульманского вероисповедания России (башкир, киргиз) и тем создать общемусульманскую антигосударственную позицию на будущее время, каковая позиция существовала еще в России до революции под руководством татар как в Государственной Думе, так и в мусульманской печати и в обучении мусульман».

При этом, как ни удивительно, Габдулхай Курбангалиев тесно общался с одним из основателей махрово-черносотенной и антисемитской партией Союз Русского Народа Борисом Владимировичем Никольским...

Что же касается Зайнетдина Агафурова, то все мои представления о нем, сформированные на основе семейных воспоминаний, позволяют мне с уверенностью утверждать, что его взгляды по национальному вопросу были далеки даже от намека на национальное чванство или, тем более, на национальную ущербность.

Смыслом общественной и политической деятельности Зайнетдина Агафурова в отношении национального вопроса, думается, было не национальное обособление мусульман, а, напротив, максимальная интеграция, в частности, татарского населения в социальную и культурную жизнь российского общества.

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА АГАФУРОВСКОГО НАСЛЕДИЯ*

Бадри ДЕВИШЕВ

Правнук
Зайнетдина Агафурова.

Говорить о счастливой судьбе применительно к этой семье, на первый взгляд, кажется странным! Братья Агафуровы, лишившись всего и вынужденно покинув свою родину, нашли последнее пристанище вдали от нее на чужой земле. Их близкие, эмигрировавшие с ними, оторванные от своих корней, не нашли себя, и, не сумев повторить звездный путь братьев, растворились где-то в эмигрантском далеке. Потомки же их живут своей бесконечно далекой от агафуровских истоков жизнью в других странах, вряд ли часто вспоминая об имени-тых предках.

Правнуки же братьев, потомки тех Агафуровых, кто, оставшись на Родине, испытал на себе всю жестокость эпохи, напротив, сохранили, как могли, память о своих предках – в выцветших фотографиях далекого прошлого, рассказах родных, – чтобы передать ее своим детям и внукам.

И может ли быть для них большим счастьем, чем сознавать, что память эта важна не только для них самих, но и для многих других – тех, кто считает родным этот замечательный город, где когда-то происходило становление будущей империи братьев, и росла их слава. Оказавшаяся благодарной, эта память овеществлена в домах, бывших когда-то родными для братьев, и одушевлена в современной топонимике Уральской столицы – родины братьев Агафуровых.

**«ДВУХ ОЧАГОВ
ЖИВИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ ...»**

Время перемен

Усольцевская, 24 – Сакко и Ванцетти, 24... О непростой судьбе этого дома, пережившего все сломы эпох, – семейной обители Зайнетдина Агафурова – мы расскажем в книге. О его счастливой судьбе расскажем сейчас.

Судьба эта не просто счастливая, она удивительна: именно дому Зайнетдина суждено было оказаться на историческом перекрестке, когда в новой постсоветской России формировались новые лики регионов, выстраивались и налаживались между ними иные, характерные для новой эпохи связи, происходило новое, глубокое осмысление понятия федерализма.

Девяностые годы в последнее время принято считать годами развала страны. «Лихие девяностые» – наиболее употребляемая характеристика тех лет. За ней и отсылка к разросшемуся до невероятных размеров криминалу, и намек на незаконное «первоначальное накопление капитала» нынешними олигархами. И это справедливо.

Но справедливо и другое: это было время надежд, пришедшее на смену застою и тупику, в котором оказалась государство с изжившими себя идеологией и формами управления. И именно в этот период становится наиболее активной научная, обще-

* Глава 9 из книги Бадри Девишева «Агафуровы: из прошлого в настоящее».

ственная мысль, направленная на поиск не только путей сохранения страны, но и наиболее эффективных путей ее развития.

Задачи эти для государства, объединяющего десятки миллионов людей разных национальностей, проживающих на огромной территории, поделенной не только по территориальному, но и по национальному признаку, чрезвычайно сложны, если, конечно, следовать демократическим путем, а не путем насилия и страха.

Замечено, именно сложное время – время смены эпох чаще всего рождает новые идеи и дает проявить себя людям, способным эти идеи воплотить в жизнь. На мой взгляд, это в полной мере относится и к нашей истории.

25 мая 1996 года Указом президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева было учреждено Постоянное представительство РТ в Свердловской области. Созданное учреждение разместилось в доме 24 по улице Сакко и Ванцетти, т.е. в доме, где когда-то проживала семья Зайнетдина Агафурова.

Эпоха романтизма

Разумеется, это событие произошло не внезапно и не случайно.

За плечами 48-летнего Равиля Бикбова, назначенного Указом Президента Татарстана на должность руководителя Постпредства, был уже большой опыт инженера, руководителя, организатора, способного не только генерировать идеи, но и успешно воплощать их в жизнь. Эти качества проявились уже в самом начале трудовой деятельности – в работе молодого конструктора в проектном институте «Уралгипроруда», и значительно позже – в должности генерального директора Свердловской хозяйственной ассоциации «Европа-Азия» и в роли президента Союза ученых,

предпринимателей и промышленников Урала «Якташ».

Наверное, именно в этой последней должности и пришло ясное понимание, что в условиях новой России необходимо по-новому выстраивать отношения между регионами. И с кем, как не с Татарстаном – таким же крупным и важным российским регионом, как и Урал, нужно дружить в первую очередь! Но и для Республики Татарстан – это особенно важно, ведь в Уральском регионе, включающем Екатеринбург со Свердловской областью и прилегающими областями, проживает около миллиона татар, и для них культурная и духовная связь с национальным центром важна, как воздух!

Институт представительств, позволяющий регионам России эффективно взаимодействовать между собой, был лишь на стадии зарождения, подобного опыта страна еще не знала. Равиль Зуфарович немало сделал для того, чтобы одним из первых Представительство Татарстана открылось именно в Уральской столице, а став первым Постпредом, вынужден был идти трудным путем первооткрывателя – ведь проторенных дорог на этом новом дипломатическом поприще попросту еще не было.

Но первый и, как оказалось, весьма точный шаг был сделан на удивление правильно – Постпредство РТ разместилось не в офисе современного здания, а в арендованном для этих целей старинном особняке, памятнике архитектуры XIX века – семейном доме Зайнетдина Агафурова. За несколько лет до этого здание, представлявшее заброшенное коммунальное жилье и находившееся в удручающем состоянии, было восстановлено и отреставрировано под свои нужды трестом «Уралтеплоизоляция», и вот теперь передано городом на условиях аренды Республике Татарстан.

Сам Равиль Зуфарович считал это провидением свыше. С домом Агафуровых его всегда связывала невидимая, но прочная нить: ведь именно здесь в далеком 1946 году познакомились его будущие родители, прийдя в гости к своему знакомому, проживавшему в одной из коммунальных квартир! И надо было так случиться, что именно здесь судьба доверила ему взяться за дело, ставшее на долгие годы главным в его жизни, а легендарному дому суждено было стать в этом деле надежной опорой.

Совсем скоро Постпредство РТ приблизится к 30-летию юбилею, и сегодня, оценивая первую половину пройденного им пути, – пятнадцать лет своего служения дружбе и сотрудничеству двух регионов – Татарстана и Урала, Равиль Бикбов уверенно называет причиной его успеха гармоничный симбиоз двух составляющих: с одной стороны, – это доверие Республики Татарстан и ее руководства, а с другой, – мощная поддержка рода Агафуровых, их легендарная история и сам Дом, в котором располагается Постпредство РТ!

Шаг за шагом, пусть не быстро, но очень последовательно Постпредство осуществляло деятельность по сближению двух регионов России, исходя из главной своей задачи – быть форпостом Республики Татарстан на Урале. Уже в следующем 1997 году состоялось подписание договора о принципах сотрудничества Среднего Урала и Татарстана. По сути, это была первая, но такая необходимая декларация, которую подписали губернатор Свердловской области Эдуард Россель и премьер-министр Республики Татарстан Фарид Мухаметшин. В ней обе стороны подтвердили твердое намерение объединять усилия в решении проблем двух регионов.

А проблемы эти, и, в первую очередь, экономические, в те годы были весьма серьезные. Необходимо было отойти от пресловутого бартера, охватившего кризисную экономику страны, перейдя к системным – стабильным промышленным и финансовым связям между регионами.

Но по-настоящему прорывным для отношений Татарстана и Урала стал 2002 год, когда состоялся подготовленный Постпредством визит президента РТ Минтимера Шаймиева в столицу Среднего Урала и встреча его с губернатором Свердловской области Эдуардом Росселем.

В дни встречи у главы Татарстана появилась реальная возможность убедиться в правильности организационного решения о создании Постпредства на Урале, в его деловой эффективности и успешном создании им высокого имиджа Республики Татарстан на Урале. Поддержал это впечатление и дом Зайнетдина Агафурова. Главы регионов посетили историческое здание, отметив, что, благодаря работникам Постпредства оно хранит тепло очага легендарной семьи.

В ходе визита был подписан совместный Меморандум о взаимопонимании, основные положения которого определили на предстоящие годы характер взаимовлияния двух регионов. В следующем 2003 году состоялся ответный визит губернатора Эдуарда Росселя в Татарстан, где проходили Дни Свердловской области в братской республике.

Вспоминая в наши дни годы и события, предшествовавшие появлению Постпредства, и первые годы его деятельности, Равиль Бикбов называет их «романтическим» периодом во взаимоотношениях двух регионов. Казалось бы, о какой романтике может идти речь, когда вспоминаются столь непростые для всей страны годы. Но, может

быть, потому и справедлива такая характеристика, что и для страны, и для двух регионов, и для самого Равиля Зуфаровича это трудное время стало временем надежд, временем поиска новых смыслов, временем подготовки к новым свершениям.

Время свершений

После визита президента Республики Татарстан в Уральскую столицу время, отмеряющее совместное движение в одном направлении, будто обрело ускорение. Цифры красноречивее слов: в течение первых трех лет товарооборот между регионами увеличился в три раза! Стали укрепляться, выходить на новый уровень финансовое взаимодействие и банковские связи.

Но не всё исчерпывается товарооборотом, в частности, и экономикой, в целом. Работа Постпредства под руководством Равиля Бикбова была направлена на расширение контактов во всех сферах общественной жизни, превращая их в естественное человеческое сотрудничество. Задумываясь о будущем тех, кому предстоит строить и развивать страну, Постпредство стало инициатором подписания Соглашения между Советом ректоров уральских вузов и аналогичным Советом вузов Татарстана. Как итог – сегодня студенческие фестивали, студенческие контакты между вузами, обменные визиты стали естественными для Татарстана и Урала.

Привычными и значимыми стали контакты медиков двух регионов, впервые инициируемые Постпредством РТ. И Татарстан, и Урал вправе гордиться своими достижениями в области медицины и готовы делиться опытом друг с другом.

Взимообогащение в области культуры Постпредство тоже может записать в свой актив. Именно по его инициативе и

при его поддержке стали такими привычными и ожидаемыми в Екатеринбурге гастроли театральных и музыкальных коллективов и исполнителей из Татарстана.

Для почти миллионной татарской аудитории Большого Урала огромным событием оказалась возможность принимать телевизионные передачи из Татарстана на родном языке. Сегодня это уже никого не удивляет, а ведь начиналось всё еще в мае 2003 года, когда именно Равиль Бикбов представлял в аппарате Президента РТ проект «Уральским татарам – доступное национальное телевидение». И именно в доме Зайнетдина Агафурова – Постпредстве Республики Татарстан на Урале был первоначально открыт в 2007 году корпус спутникового телевидения «Татарстан – Новый век».

Сегодня «ТНВ» на Урале не просто дополнительный информационный источник, но и реальный отвечающий современным требованиям инструмент объединения татар, сохранения языка и культуры, развития национального самосознания.

Опережая время

Простое перечисление мероприятий, проводимых по инициативе или под эгидой Постпредства РТ под руководством Равиля Бикбова – а их, действительно, очень много – только уводило бы от главного, в чем можно видеть ценность и значение института представительств вообще и Представительства РТ на Урале, в частности. По сути, они были призваны стать экспериментальными лабораториями, работающими над построением прочных межрегиональных связей – необходимого каркаса, составляющего надежную основу крепкого государства.

Трудно говорить об успешности других представительств РТ, тем более о представительствах других регионов России, но в успешности Представительства РТ на Урале сомневаться не приходится!

Всем помнится ставшая уже исторической фраза главы Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина, произнесенная им в Казани 6 августа 1990 года: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить!» Многим и сегодня это кажется едва ли не открытым призывом к сепаратизму! При этом мало кто помнит о продолжении этой фразы: «Но вы находитесь в центре России – и об этом нужно подумать», и уж, тем более, мало кто считает историческим смысл брошенного лозунга.

Между тем, близился полный крах командно-административной системы, ушедшей через короткое время в небытие вместе с Союзом ССР. И на повестке дня вставала необходимость новых принципов взаимодействия регионов, не скованных жесточайшей централизацией. Стране предстояло учиться федерализму – не просто декларируемому самим названием – Российская Федерация, а реальному, с большой самостоятельностью регионов, без привычного диктата союзного центра.

Чрезвычайно важной оказалась задача – найти баланс между самостоятельностью регионов и ответственностью перед государством. И потому именно в этот период стала столь важной и востребованной роль представительств вообще и Постпредства Татарстана на Урале, в частности. На поиск и отработку системности в деятельности Представительства в этот новый для страны период развития федерализма и были направлены усилия ее руководителя.

Это было весьма характерно для Равиля Зуфаровича – в любой практической деятельности опираться на научные подходы. И на этом новом поприще он не изменил себе, глубоко погружившись в исследование никем еще не изученной темы представительств как особой дипломатической формы присутствия интересов одного региона на территории другого. Результатом этого исследования стала его диссертация «Региональная экономическая политика национально-территориального образования – субъекта РФ: Структура, процессы, направления совершенствования (на примере Татарстана)», которая была успешно защищена им в 2007 году.

Прорабатывая методологию создания и функционирования института представительств, Равиль Бикбов находился в тесном контакте с учеными, встречи с которыми стали регулярными в работе Постпредства. Как зеркало этого общения – лишь несколько знаковых вех из графика работы Постпредства и его руководителя:

28 сентября 2005 г. Екатеринбург – прием в Постпредстве РТ Президиума Уральского отделения РАН в честь 1000-летия Казани;

17–18 июня 2006 г. Екатеринбург – симпозиум «Татарстан – Урал: опыт и стратегия гуманитарного сотрудничества»;

28–30 июня 2007 г. Екатеринбург – выездной семинар: «Институт представительств Республики Татарстан: опыт и стратегия развития»;

1 февраля 2008 г. Казань – круглый стол в Академии наук Татарстана по вопросам стратегии развития института представительств;

3 июля 2009 г. Казань – симпозиум «Развитие межрегионального взаимодействия как фактор преодоления экономического кризиса: роль и место

института представительств субъектов РФ» с выпуском сборника материалов «В поисках эффективности»;

11 мая 2011 г. Екатеринбург – круглый стол «Татарстан – Урал: развитие межрегионального и межэтнического диалога». Подписание Соглашения о сотрудничестве между АН РТ и УрО РАН.

Надо отметить, что научные подходы Равиля Зуфаровича к деятельности института представительств были активно поддержаны в научных кругах. Многие ученые были единодушны в том, что создается особый, уникальный тип института, являющийся одновременно и институтом государственного управления, и социально-общественной структурой, способствующей формированию гражданского общества и на Урале, и в Татарстане, и в целом в России, как ячейка, которая показывает пример.

Профессор МГИМО(У), вице-президент Академии политической науки Григорий Водолазов, выступая в 2009 году на симпозиуме в Казани, сформулировал выводы, поддержанные другими участниками этого обширного форума: «Ученые, общественность, государственные органы Татарстана предложили, осуществили на практике такую форму, как институт представительства, и уже приступили к теоретическому осмыслению модели, имеющей громадное значение не просто для Татарстана, но для современной России в целом. Без такого рода институтов, я думаю, просто невозможно развитие России по пути создания системы координат вертикально-горизонтальной связи, невозможно развитие политической демократии и гражданского общества».

Удалось ли Равилю Бикбову за пятнадцать лет руководства Постпредством реализо-

вать все свои идеи, связанные с развитием горизонтальных связей в сфере государственного управления, все ли они оказались востребованы в сегодняшней деятельности Постоянного представительства? Наверное, нет. Новые условия и обстоятельства, в которых развивается наша страна, привели лишь к укреплению «вертикали власти» и, во многом, за счет сокращения «горизонталей».

Создание крепкого каркаса государства за счет роста самостоятельности регионов и горизонтальных связей между ними остается неизбежной задачей будущего, и, в этом смысле, идеи, заложенные в создание института представительства, опередили свое время.

У семейного очага

Было бы совершенно неверным рассматривать деятельность Представительства РТ, обосновавшегося в историческом здании – семейном доме Зайнетдина Агафурова – как череду пафосных мероприятий: приемов, симпозиумов или совещаний, призванных укреплять деловое сотрудничество двух российских регионов.

Достоинство представляя Республику Татарстан, семейное гнездо Агафуровых стало гостеприимным домом для всех посетителей и, в первую очередь, для соплеменников, проживающих на территории Урала.

Удивительно, но за поддержкой и советом, порой даже в личных делах, к Постпреду приходили простые люди, справедливо видя в нем представителя большой Родины – Татарстана. В памяти всех, кто побывал в этом доме, навсегда остались гостеприимство и радушие его новых хозяев.

Частыми и желанными гостями агафуровского дома стали уральские татары – ветераны Великой Отечественной. В

их честь в дни праздников Победы накрывались столы с неповторимыми татарскими угощениями, исполнялись песни на родном языке.

Тем, кому посчастливилось побывать здесь на званых вечерах, посвященных самым разным датам и культурным событиям, и просто быть приглашенным на новогодние встречи, навсегда запомнилась теплая, дружеская обстановка домашнего очага, которую не хотелось покидать.

Неизменной творческой душой этих встреч, отмеченных интеллигентностью и гостеприимством, была Галия Бикбова. Талантливая, разносторонне одаренная женщина она полностью посвятила себя возрождению агафуровского семейного гнезда.

Профессионально занимаясь культурной составляющей деятельности Постпредства, обладая поэтическим талантом, Галия Фаридовна не только разрабатывала сценарии культурных мероприятий, но и, будучи хорошей хозяйкой, зачастую, сама участвовала в приготовлении национальных татарских угощений и вовсе не чуралась, порой, участвовать в мелком ремонте – к примеру, пошиве своими руками штор для помещений Постпредства. Супруга руководителя Постпредства Галия Бикбова целиком посвятила себя тому, чтобы Постпредство стало достойным лицом Республики Татарстан.

С благодарностью вспоминая эту замечательную и, к сожалению, рано ушедшую из жизни женщину, уместно вспомнить, что Галию Фаридовну, как и Рафилю Зуфаровича, с домом Агафуровых связывала незримая нить. Изучая свою родословную, Галия Бикбова обнаружила среди своих прямых предков известных в дореволюционном Екатеринбурге купцов и благотворителей Богатиевых, на-

ходившихся в тесной дружбе с Агафуровыми.

Остается добавить, что еще до создания Постпредства в отремонтированном доме Зайнетдина Агафурова две комнаты были выделены татаро-башкирскому обществу «Урал», председателем которого был Фарид Шангареев – отец Галии.

Уважаемый в Екатеринбурге человек, татарский общественный деятель Фарид Лябибович Шангареев в 19 лет добровольцем ушел на фронт, участвовал в боях, получил тяжелое ранение. Служение памяти об отце соединилось в дочери Фариды Шангареевой Галии со служением историческому дому.

Мне посчастливилось оценить гостеприимство и радушие Рафиля Зуфаровича и талант Галии Фаридовны летом 2011 года – в Постпредстве состоялся званый вечер, посвященный 150-летию легендарного хозяина дома Зайнетдина Агафурова. Сюда по приглашению приехали потомки дочерей братьев Агафуровых, оставшихся после революции на родине.

Для всех нас, потомков Агафуровых, приехавших на праздник из Казани, Москвы и Подмоскovie, это событие стало настоящим культурным шоком. Именно в те дни пришло понимание, что Агафуровы – татарские купцы, нашедшие славу на уральской земле, стали важной частью богатой истории Екатеринбурга, оставаясь при этом неотъемлемой частичкой исторического генофонда татарской нации. А в наши дни благодаря деятельности Представительства РТ стали, по сути, связующим звеном между двумя важнейшими регионами нашей Родины.

В те дни мне посчастливилось познакомиться со многими замечательными людьми, составляющими гордость уральской столицы, приглашенными на этот праздник – день рождения

моего прадеда. Среди них – замечательный скульптор Геворк Геворкян, чьи монументальные работы хорошо известны екатеринбуржцам. На встрече Геворк Арутюнович рассказал о своем видении памятника Агафуровым, проект которого он представил гостям праздника.

Незабываемое впечатление осталось от общения с легендой отечественной художественной гимнастики Лилией Назмутдиновой. В нашей беседе Лилия Биляловна упомянула, что, по рассказам матери, кто-то из ее родных служил в Торговом Доме «Братья Агафуровы».

Печально, что этих прекрасных людей уже нет с нами, и радостно, что наше знакомство состоялось именно в семейном гнезде Агафуровых.

Новое рождение

С 1 июля 2011 года по апрель 2018 года Постоянным представительством Республики Татарстан руководил Ринат Садриев. Бывший офицер, неугомонный по характеру, Ринат Риватьевич внес новый ритм в работу представительства. За его плечами был большой опыт руководящей, общественной и политической работы. Будучи успешным бизнесменом, он создал крупнейшее в регионе автотранспортное предприятие, занимался благотворительностью, был депутатом Областной думы Законодательного Собрания Свердловской области, председателем Свердловской областной общественной организации «Союз офицеров запаса», председателем Региональной общественной организации «Конгресс татар (Татары Урала) Свердловской области», учредителем двух областных газет – «Товарищи офицеры» и газеты на татарском языке «Саф чишме» («Чистый источник»). Под его руководством активизировалась работа в направлении

экономического и гуманитарно-соотрудничества.

В целях укрепления горизонтального межмуниципального сотрудничества было заключено шесть Соглашений между муниципальными образованиями Республики Татарстан и Свердловской области. Для обмена опытом организованы дружественные взаимные визиты Нижнесергинского района Свердловской области и Кукморского района Республики Татарстан, Артинского городского округа Свердловской области и Бавлинского района Республики Татарстан, городов Берёзовского Свердловской области и Елабуги Республики Татарстан. Эта полезная практика сотрудничества между муниципалитетами двух регионов продолжается и в настоящее время.

При руководстве представительством Р.Р.Садриевым много внимания уделялось работе с соотечественниками в регионе пребывания. Он лично проводил встречи с руководителями управлений образования, с директорами образовательных учреждений в местах компактного проживания татар, организовал их визиты в Республику Татарстан для обмена опытом в области развития полилингвального образования, в итоге добился увеличения количества школ с этнокультурным (татарским) компонентом в составе образования с 15 до 19. В этот период Постпредством РТ стали претворяться в жизнь крупные национально-культурные проекты межрегионального масштаба – конкурсы-фестивали исполнителей татарской песни и инструментальной музыки, конкурс исполнителей татарских танцев, фестивали татарской кухни и др. Была разработана интерактивная карта Свердловской области, где велся оперативный учет татарских общественных организаций, художественных коллективов,

школ и дошкольных учреждений, изучены потребности в учебниках и методической литературе. Была проведена большая работа в обеспечении художественных коллективов национальными сценическими костюмами, школ и библиотек необходимой литературой, кабинетов татарского языка и школьных музеев оргтехникой. Был организован Областной конкурс библиотечных проектов по продвижению культуры татарского народа в Свердловской области. При Постоянном представительстве созданы и стали активно работать Совет директоров школ, Совет руководителей татарских сел, Совет руководителей клубных учреждений в татарских селах Свердловской области. При содействии Постпредства РТ в Свердловской области стали проводиться до 40 сабантуев.

В наши дни Постпредство республики Татарстан в Свердловской области возглавляет Хайдар Гильфанов. Долгие годы работы под руководством Равиля Бикбова и Рината Садриева стали для Хайдара Маслахетдиновича годами накопления опыта хозяйственного руководителя и дипломата, который сегодня позволяет ему успешно руководить деятельностью Постпредства. А деятельность эта и в современных условиях, как и прежде, разнообразна и охватывает все стороны отлаженного десятилетиями сотрудничества Татарстана и Урала. Трудно сказать, помогает ли новому Постпреду его вокальные данные, но не отметить этого нельзя – Хайдар Гильфанов, обладатель красивого голоса, замечательно исполняющий татарские народные песни, является Заслуженным артистом республики Татарстан!

Десятки пунктов ежегодных планов, затрагивающих мероприятия в самых разных сферах деятельности, успешно

выполняются Постпредством. Здесь и содействие в проведении, а также непосредственная организация бизнес-встреч заинтересованных предприятий Татарстана и Свердловской области, выставок-презентаций предприятий и организаций Татарстана на Урале и многое другое, входящее в сферу торгово-экономического сотрудничества регионов.

Традиционно участие Постпредства и в других областях сотрудничества – по линии образования, спорта, туризма и, конечно, культуры. Поддержка и сохранение татарского языка, продвижение татарской культуры в Уральском регионе – в сфере постоянного внимания представительства. Отсюда и постоянное участие в проведении олимпиад по татарскому языку и литературе, конкурсах на лучшего учителя татарского языка и литературы, фестивалей и конкурсах татарской национальной песни и танца и, конечно, постоянная поддержка татарских общественных организаций Уральского региона в проводимой ими работе.

За долгие годы, прошедшие после капитального ремонта и реставрации, проведенных еще трестом «Уралтеплоизоляция», здание Постпредства сильно обветшало. Посильный, главным образом, косметический ремонт, осуществленный усилиями самого Постпредства в 2003 году, позволил еще на какое-то время сохранить облик дома Зайнетдина Агафурова, но каждый следующий год делал дряхление здания всё более заметным. Попытки что-либо поправить своими силами были сродни латанию дыр.

Хайдар Гильфанов может справедливо поставить себе в заслугу, что поднял вопрос о судьбе дома Агафуровых на самом высоком уровне – перед президентом республики Татарстан Рустамом Минниха-

новым. Итогом этого стало решение, принятое в 2018 году руководством Татарстана, о восстановлении и реставрации исторического дома.

Основной задачей проекта реконструкции стало максимально приблизить облик здания к тому, каким оно было при легендарных хозяевах. В течение последующих пяти лет на восстановительные работы республикой Татарстан было израсходовано почти 130 млн рублей, и, по словам самого Хайдара Маслахетдиновича, ему пришлось стать практически прорабом, чтобы контролировать проведение работ.

Но результат этих усилий вполне того стоит! Был основательно укреплен фундамент здания – по словам строителей, дом простоит без проблем не менее сотни лет. Для полов был использован новый износостойкий материал. Обветшавшие окна и двери были заменены аутентичными, сделанными из ели и лиственницы. Особые хлопоты вызвала замена цветных витражей на веранде дома – их по спецзаказу делали в Подмосковье. Бережно была отреставрирована сохранившаяся лепнина на потолках.

27 января 2024 года состоялось торжественное открытие отреставрированного здания. Удивительное и неслучайное совпадение – новое рождение дома состоялось в день рождения – 163-летие – его исторического хозяина Зайнетдина Агафурова.

Уверен, «живительному огню» предстоит долго и счастливо согреть оба «очага»: Урал и Татарстан.

И КЛУБ, И МУЗЕЙ!

Дом № 28 по улице Сакко и Ванцетти – дом Камалетдина Агафурова – после расселения жильцов был передан в ведение Свердловского государствен-

ного объединенного историко-краеведческого музея, а из всех предполагаемых вариантов его существования был принят вариант организации в нем Музея купеческого быта старого Екатеринбурга.

Шло время, и гипотетическое название почти прижилось в топонимике города, мелькало в средствах массовой информации и некоторых справочных изданиях, но реально в судьбе пустующего дома ничего не менялось. Периодически активно начинавшиеся ремонтные и реставрационные работы затем надолго останавливались из-за недостатка финансирования. Влачащий полусонное существование, находящийся под весьма условной охраной дом успел даже пережить пожар, но, к счастью, выжил.

Период безвременья, продлившийся более двух десятилетий, всё же счастливо завершился. Решение, принятое директором Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е.Клера Натальей Константиновной Ветровой оказалось, на мой взгляд, удивительно верным – 15 декабря 2015 года в доме Камалетдина Агафурова открылось необычное музейное пространство – Музейный клуб «Дом Агафуровых».

Сегодня, в преддверии его десятилетия, в этом можно уже не сомневаться – дом обрел достойного хозяина. Странное лишь на первый взгляд название отражает весьма удачно найденный способ существования старинного особняка. В этой новой жизни дома Камалетдина практически нет застывших форм, так характерных для обычного музея. Всё находится в движении и развитии.

Экспозиция, посвященная жизни и судьбе знаменитой фамилии, созданная на основе коллекции Областного краеведческого музея и предметов, переданных потомками Агафуро-

вых, сравнительно невелика, но ни одно мероприятие, проводимое работниками этого необычного Клуба, даже, казалось бы, далекое от агафуровской темы, не проходит без экскурсии в Агафуровскую историю и рассказы о знаменитых братьях.

Двадцать лет дом был наполнен голосами членов большой Агафуровской семьи и более семидесяти лет советского периода служил людям в качестве коммунального жилья. В короткий период 1961-го года ему даже довелось стать съемочной площадкой для выдающегося режиссера, классика уральского кинематографа Ярополка Лапшина, снимавшего здесь сцены фильма «Шестнадцатая весна». А потому вполне логично, что одной из постоянных экспозиций музея стала «Коммуналка», где с любовью воссоздан бытовой антураж типичной советской семьи, проживающей в коммунальной квартире.

Музейный клуб живет вместе с домом Камалетдина Агафурова активной, напитанной энтузиазмом его немногочисленных работников жизнью. Практически ежемесячно здесь проводятся выставки декоративно-прикладного искусства, живописи и фотографии. Кукольные спектакли и Новогодние елки радуют маленьких гостей дома.

А в «Музыкальной гостиной» – зале второго этажа с прекрасной акустикой проводятся музыкальные вечера с приглашением профессиональных артистов, где звучат романсы и инструментальные произведения.

Дом до сих пор полностью не отремонтирован, и нужда в его ремонте и реставрации столь же велика, как и много лет назад. Удивительное впечатление производит, казалось бы, несовместимое: соседство помещений с великолепными отреставрированными цветными потолками, почти такими, как их видели сами Агафуровы, с залами, где ужасают облезлые деревянные стены и почерневшие потолки. Но, как мне кажется, даже это, в общем-то, печальное обстоятельство, умело используется замечательными энтузиастами Музейного клуба – Ларисой Коноваловой и Любовью Козыревой – для поддержания таинственной ауры старинного дома.

Усилия и творческий энтузиазм коллектива Музейного клуба «Дом Агафуровых» могли по достоинству оценить потомки Агафуровых в ноябре 2018 года, приехавшие в Екатеринбург, чтобы вместе отметить 120-летие исторического дома и трехлетие замечательного музея.

Можно не сомневаться, Музейный клуб занял достойное

место среди восьми музейно-выставочных площадок Свердловского областного краеведческого музея в Екатеринбурге, и дому Камалетдина Агафурова суждена счастливая судьба.

В ТВОРЧЕСКОМ ГОРНИЛЕ ДОМНЫ

Если дома 24 и 28 по Усольцевской улице (ныне Сакко и Ванцетти), построенные братьями Агафуровыми, – их прямое материальное наследство, оставленное родному городу, то здание, расположенное на современной улице Вайнера (бывшей Успенской) под номером 16, не принадлежавшее Агафуровым, можно назвать наследием их новаторской смелости.

Это здание и сегодня одушевлено памятью жителей города о том, что здесь были расположены едва ли не самые популярные в дореволюционном Екатеринбурге магазины братьев Агафуровых.

Уверен, дух Агафуровского новаторства незримо присутствовал, когда в 2022 году при непосредственной поддержке властей города и региона здесь открывалась штаб-квартира так называемых креативных кластеров – точек приложения молодых сил в сферах предпринимательства, культуры, искус-

ства, воспитания и просвещения.

Выбор этого места был удивительно удачен! Ведь когда-то оно стало точкой приложения сил для молодых братьев, старшему из которых, Камалетдину, было 33 года, а младшему, Зайнетдину, 25 лет. Именно здесь проявилась креативность братьев – их новаторство в организации универсальной розничной торговли, распространившейся позже на Тюмень, Пермь и другие города, где торговали Агафуровы.

Поражает, с какой быстротой и энтузиазмом было расчищено и реконструировано более 2000 кв. метров прежде заброшенных площадей. Радует, что новые – молодые хозяева легендарного дома знают и с уважением относятся к его долгой истории, истоки которой неразрывно связаны с братьями Агафуровыми.

Это подтверждает и сделанная здесь с любовью историком Андреем Ермоленко выставка-экспозиция артефактов, найденных в период реконструкции здания. Каждая из эпох, промелькнувших за его большими окнами, как за окнами мчащегося сквозь года поезда, оставила

здесь свой неповторимый след: от монет XIX века и товарных чеков Торгового Дома «Братья Агафуровы» до потерянных документов совслужащих.

Преемственность духа новаторства, присущего братьям Агафуровым, сразу проявилась в деятельности Домны – это емкое и звучное имя было выбрано из сотен вариантов, присланных на объявленный открытый конкурс. Как в горниле домны рождается металл, так в творческом пространстве «Домны» рождаются и проверяются новые идеи.

За короткое время Домна успела стать знаковым местом для города, в особенности для его молодых жителей. Это удивительное, в том числе и в дизайнерском отношении, креативное пространство на огромных площадях второго этажа бывшего универсального магазина братьев Агафуровых стало точкой притяжения молодых екатеринбуржцев.

Не бывает и дня, чтобы здесь не проходили самые разнообразные мероприятия: творческие семинары и практические конференции по обмену опытом в сфере предпринимательства, кинопоказы, встречи с интересными людьми,

художественные выставки и многое-многое другое...

Более 50000 посетителей, почти 700 мероприятий, 27 выставок – таковы показатели успешности творческого кластера Домна за два года его существования. Эти цифры говорят сами за себя!

Дома братьев Агафуровых продолжают служить людям, и в этом – неоспоримое подтверждение того, что судьба Агафуровского наследия, несмотря на горькую судьбу самих братьев, сложилась счастливо.

И не наследием ли братьев Агафуровых, оставшимся в памяти екатеринбуржцев, является их благотворительная деятельность. Братья никогда не кичились благополучием, помня о своем простом происхождении. Их ставшая исторической фраза: «Не трудно жертвовать от достатка – труден сам труд в деле просвещения» лучше всего говорит о скромном отношении братьев к своей щедрости.

Агафуровы заняли прочное место в истории и судьбе города Екатеринбурга, Урала и России.

Выступление правнука З.Агафурова Б.Девишева на встрече креативных кластеров в Домне – помещении бывшего Торгового дома братьев Агафуровых. 2022 год.

Председатель Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства (СОФПИ) Валерий Пиличев и Бадри Девишев на встрече в Домне, 2022 год.

Постпред РТ Р.Бикбов встречает Председателя УрО РАН академика В.Черешнева. 2005 г.

Делегация Президиума УрО РАН на приеме в Постпредстве РТ в честь 1000-летия Казани. 2005 г.

Встреча ветеранов Великой Отечественной войны на Красной дорожке. 2010 г.

Президент Татарстана и Губернатор Свердловской области и знаменитая династия гимнасток сестер Назмутдиновых. 2003 г.

Подписание Соглашения между Свердловской областью и Республикой Татарстан. Губернатор Свердловской области В.Куйвашев и Глава Республики Татарстан Р.Минниханов. 2022 г.

Деловая встреча Губернатора Свердловской области В.Куйвашева и Главы Республики Татарстан Р.Минниханова. 2022 г.

М.Шаймиев вручает Х.Гильфанову награду - звание Заслуженного артиста РТ. Екатеринбург, Оперный театр, 2002 г.

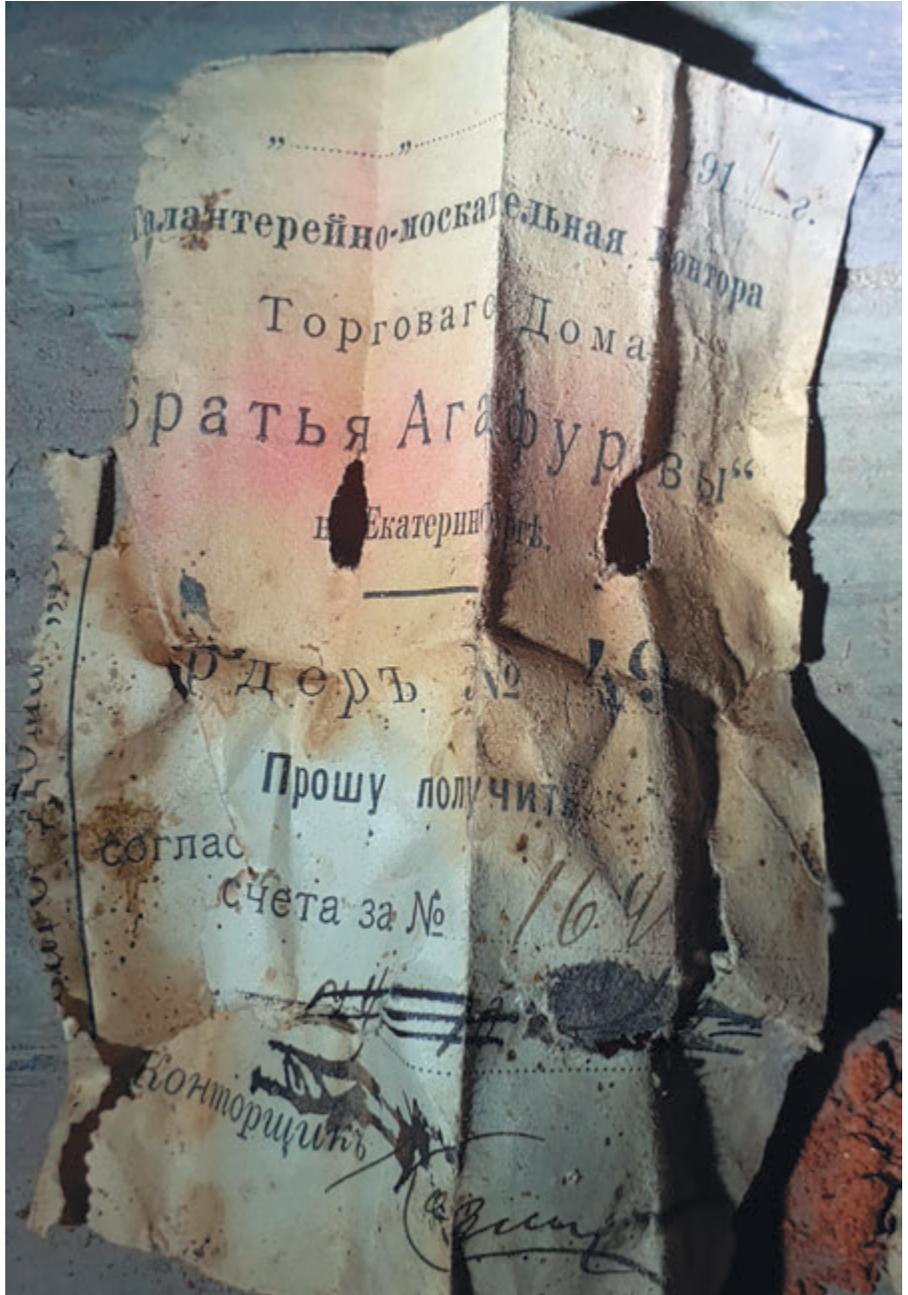

На презентации первого места коллективного просмотра программ татарстанского телевидения «Новый век» в Постпредстве Республики Татарстан. 2002 г.

НАХОДКИ В УНИВЕРМАГЕ АГАФУРОВЫХ

Агафуровский период

Ордеръ - Одесса.

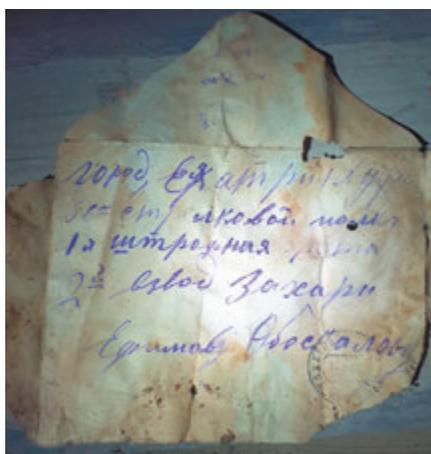
с п о р т о в ы

Киев.	Харьков.	Днепр.	Порть-Сандь.	Бейрут.	Констан-тинополь.	Венедосия.	Батумь.	Одесса.
х	о	д	л	т				
1 апр.	19 апр.	22 апр.	27 апр.		1 мая.			4 мая.
23	29	2 мая.	7 мая.		11			14
26	16 мая.	18	23		27			30
июня.	1 июля.	4 июля.	9 июля.		7 июня.			10 июня.
15	13	19	23		13 июля.		17 июля.	23 июля.
2	2	5	10		28		1	7 авг.
авг.	4	7	12		15 авг.		19	25
18	21	21	26		30		3	9 сент.
сент.	20	сент.	23		30		6	12 окт.
окт.	13	окт.	16		2		29	4 нояб.
20	23	23	28		10		5	11
		нояб.	18		27		27	3 дек.

524. Народоклестня. (Добр. Фз.)

НАХОДКИ В УНИВЕРМАГЕ АГАФУРОВЫХ

Советский период

ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕОПЛАЧЕННОГО ДОЛГА*

Дом Романовых и Торговый Дом «Братья Агафуровы» –
перекрестки судьбы

(документальная повесть)

Бадри ДЕВИШЕВ

Правнук
Зайнетдина Агафурова.

ОТ АВТОРА

Эта история произошла в мае 1918 года в уральском городе Екатеринбурге, где судьба на очень короткое время свела моего прадеда, екатеринбургского купца Зайнетдина Агафурова, с представителем Венценосного Дома великим князем Сергеем Михайловичем. Факт этой короткой встречи не нашел отражения ни в одном из архивных документов и так и остался бы неизвестным, если бы не воспоминания Владимира Петровича Аничкова, с 1913-го по 1918-й год возглавлявшего отделение Коммерческого Волжско-Камского банка в Екатеринбурге.

Его книга «Екатеринбург – Владивосток (1917–1922)», увидевшая свет в 1930-х годах в Сан-Франциско, – замечательный бесхитростный документ свидетеля истории страны в ее самые трагические дни – дни слома эпох.

Будучи сам инициатором упомянутой удивительной встречи, Владимир Петрович Аничков уделил ей в своих воспоминаниях всего лишь несколько строк. Но в этой маленькой истории, помимо ее главных действующих лиц – Зайнетдина Агафурова и великого князя Сергея Михайловича – незримо присутствует еще один персонаж, без участия которого ничто, нигде и никогда не происходит!

Этот персонаж – ВРЕМЯ, желание понять и почувствовать которое владело пером автора при описании этой истории.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Весной 1918-го года Урал стал местом последней ссылки членов императорской семьи и великих князей Дома Романовых, тех, кому не удалось покинуть территорию России, контролируруемую большевиками.

Это место не было случайным выбором новой власти. Именно здесь, в Уральском регионе, позиции большевиков были сильны еще до октябрьского переворота в Петрограде, а после него утвердившиеся во власти коммунисты были готовы с особым рвением выполнять указания большевистского центра и даже опережать их, не останавливаясь перед крайней жестокостью.

30 апреля в Екатеринбург из тобольской ссылки был доставлен отрекшийся от престола император Николай II с некоторыми членами семьи и слугами. Все они были помещены под домашний арест в реквизированный большевиками для этих целей особняк екатеринбургского инженера и общественного деятеля Николая Ипатьева. Через небольшое время сюда же будут доставлены и остальные члены царской семьи.

А 1 мая в город прибыла большая группа представите-

* Приложение к книге Бадри Девешева «Агафуровы: из прошлого в настоящее».

лей Дома Романовых в составе великого князя Сергея Михайловича и князей императорской крови, сыновей умершего три года назад великого князя Константина Константиновича: Иоанна с супругой, дочерью Сербского короля Еленой Петровной, Константина и Игоря, а также сын великого князя Павла Александровича от морганатического брака, князь Владимир Палей. Они были размещены в гостинице «Номера Атаманова» на углу Успенской и Главного проспекта.¹

А еще через несколько дней, 11 мая, сюда же привезли великую княгиню Елизавету Федоровну, старшую сестру императрицы Александры Федоровны, настоятельницу созданной ею в Москве Марфо-Мариинской обители милосердия.

В отличие от членов царской семьи, находящихся под неусыпным контролем в доме Ипатьева, режим пребывания остальных ссыльных оставался без ограничений. Они могли свободно перемещаться по городу и, воспользовавшись этим, пытались найти себе съемное жилье, не желая оставаться в тесных и неудобных для постоянного проживания атамановских номерах. В ожидании продолжительной ссылки они и не предполагали, что их пребывание в Екатеринбурге окажется весьма кратким.

Поиски жилья, однако, оказались безуспешными из-за опасений жителей города перед возможными преследованиями со стороны большевистской власти.

Удача сопутствовала лишь великому князю Сергею Михайловичу: он со своим секретарем Федором Семеновичем Ремезом поселился в комнатах бывшего управляющего от-

делением Волжско-Камского банка Владимира Петровича Аничкова, который сам вынужден был снимать это жилье после его выселения большевиками из квартиры, принадлежавшей банку.

Видя, что великий князь испытывает стеснение в средствах, Аничков попытался помочь ему и Владимиру Палею, находившемуся в таком же затруднительном положении.

Оказать помощь молодому князю Палею согласился Зайнетдин Агафуров...

ЗАЙНЕТДИН

ЗАЙНЕТДИН ХИСАМЕТДИНОВИЧ АГАФУРОВ – общественный деятель, купец 2-й гильдии, один из основателей и главный распорядитель Торгового дома «Братья Агафуровы», потомственный почетный гражданин, меценат.

Зайнетдин Хисаметдинович Агафуров.

Пролетка уже стояла за воротами, и когда Зайнетдин, наконец, спустился с крыльца, кучер, наверное, уже в десятый раз обходил коляску, рассматривая рессоры и поправляя поднятый над сидением кожаный верх. Зайнетдин грузно опустился в кресло, держа в руке небольшой, похожий на

докторский, саквояж. Опаздывать было не в его правилах, а времени до оговоренного с Владимиром Петровичем Аничковым визита, действительно, оставалось мало.

«Аллага шөкер,² – подумал он, – ехать здесь совсем ничего!»

В былые времена он с удовольствием прошел бы это расстояние пешком – всего-то, чуть больше версты! Когда-то вместе с Асмой они часто ходили этой дорогой к городскому пруду, чтобы погулять по набережной, любуясь неподвижной гладью Исети и открывающейся панорамой противоположного берега. Да что когда-то! Еще пару лет назад такая прогулка была бы вполне обычна и не таила бы никакой опасности. Но не сейчас! Он инстинктивно сжал ручку покоящегося на коленях саквояжа и поежился от встречного ветра. Начало мая в этом году выдалось на редкость холодным, снег кое-где еще лежал на обочинах, и острые снежинки, подхваченные ветром, кололи лицо...

Круговорот событий минувшего года, волнения последних месяцев не прошли бесследно. Конец марта и весь апрель он провел в постели, не выходя из дома – грудная жаба не давала покоя ни днем, ни ночью. Домашний доктор уходил лишь поздно вечером, а опостылевший запах камфары, казалось, пропитал весь дом. Ему был прописан абсолютный покой, и родные, стараясь не беспокоить, приходили не часто. Рядом была лишь его любимая жена – Асма.

Иногда забегала жена племянника Садритдина Марьям, приносила горячие, с пылу с жару, перемечи, зная, как их любит Зайни-абы. Сам Садритдин появлялся не часто – мо-

¹ Нынешние ул. Вайнера и пр. Ленина

² Слава Аллаху (татар.)

тался по делам фирмы между Екатеринбург, Тюменью и Пермью. Старший брат Камал после смерти жены тоже постоянно хворал и почти всё время жил на дачах. Заходил младший – Кашаф, чаще один, иногда вместе с женой Салией. И всякий раз, сбиваясь на запрещенные врачом деловые темы, восклицал: «Так дальше невозможно, Зайни! Надо же что-то делать!» Как будто он мог знать, что!

Иногда Зайнетдин ловил себя на мысли, что всё это стало ему безразлично – он устал! Устал от всего: от этой торговли, которой посвятил всю свою жизнь, от суеты и никчемности общественной деятельности, от всего того, что сделало его таким известным и уважаемым, и не только в родном городе, человеком! Он казался себе той самой белкой, которая бежит по бесконечной дорожке колеса и никак не может спрыгнуть. И если бы не внуки...

Он очень скучал по внукам и любил, когда они приезжали. Старшая дочь Магира подарила ему четырех, и все – мальчишки! Как они там, в Тюмени? Сейчас там так же плохо, как и в Екатеринбурге!

Летом мальчишки всё время проводили здесь на дачах, устраивая игры и купаясь в пруду. Он рассказывал им о своем детстве: как он в их возрасте ходил по площади и торговал спичками и папиросами. Они слушали, смеялись и не верили ему! Старшие стали уже совсем большими: Галею уже четырнадцать, а Бадри на два года младше. Это именно из-за него, из-за Бадри они стали каждый год проводить лето в Крыму.

Мальчик рос слабеньким, и когда начал ходить, кости ног стали искривляться под тяжестью тела. Диагноз врачей был

однозначным – рахит. Нужно солнце, много солнца! И тогда они впервые всем семейством поехали отдыхать в Крым, а Магира с детьми оставалась потом в Ялте еще целый год. Рахит был побежден, а Агафуровы после этого каждый год ездили в Ялту, часто предпочитая ее заграничным поездкам.

Ялта оказалась благословенным местом – здесь нашла свою любовь и младшая дочка Марьям. Ее избранником стал студент-медик, выходец из уважаемой крымской семьи Парпетовых. Сейчас они в Крыму, и у них уже дочка – его внучка Нурия.

Но почему же только внуки? В семье Зайнетдина подрастает их с Асмой младший сын – десятилетний Искандер. И как только они с Асмой тогда решились? Ведь ей было уже сорок! Смешно: внуки, мальчишки Магиры Галей и Бадри, которые старше Искандера на несколько лет, дразнят его – «дядя»!

Асма... Вместе они уже 34 года, и он не перестает благодарить Всевышнего за ту первую встречу... Ему только что исполнилось двадцать, и они с отцом тогда приехали в Троицк, чтобы закупить крупную партию китайского чая.

Его отец, Хисаметдин, познакомился там с местным купцом Садыком Юсуфовичем Абдрашитовым. Оказалось, что он тоже родом из Казанской губернии, но давно уже обосновался с братьями здесь, в Троицке, и не собирается возвращаться на родину. Они долго о чем-то говорили между собой, а молодой Зайни не мог оторвать глаз от юной дочери Садыка, которая подавала гостям чай. В тринадцатилетней Асме уже угадывалась будущая стать очаровательной девушки.

Прошел уже год, как ро-

дители выдали замуж единственную дочь, его сестру, семнадцатилетнюю Марфугу за богатого пермского купца Зиганшу Ибатуллина, и отец хотел бы женить Зайни на его родственнице, восемнадцатилетней Гульсум. Как будто бы Хисаметдин знал, что ему немного отпущено, и торопился устроить судьбу своих детей.

Зайни не возражал. Он любил отца и редко противоречил ему. Да и сам считал, что пора уже обзаводиться собственной семьей – вон, у Камала сынишке Садри уже три года, а он, Зайни, всё еще ходит в маленьких. Гульсум была красивая девушка, а о любви он тогда и не думал.

Жизнь с Гульсум, однако, не задалась. Можно было искать разные причины, но Зайнетдин понял главное: без любви не бывает крепкой семьи. Если бы у них появился ребенок, наверное, Зайнетдин бы смирился, но прошло уже два года, а молодая жена так и не смогла понести. И уже сам Хисаметдин и даже мать перестали возражать против развода.

В тот год ставшему холостым Зайни было совсем не до мыслей о создании новой семьи: в октябре скоропостижно скончался отец, а потом они с Камалом, исполняя их общие с отцом планы, зарегистрировали новую фирму, но уже не под именем «Агафуров и сыновья», как планировалось, а под названием «Торговый дом «Братья Агафуровы»».

Прошло несколько месяцев, и весной 1884 года он вдруг вспомнил ту девочку, которая заморозила его три года назад, и сорвался в Троицк. Девочка превратилась в очаровательную девушку, и в ее глазах Зайни прочел то, что было легко прочесть и в его глазах. Оказывается, все эти годы она тоже помнила о нем!

И уже 15 апреля в первой мечети города Троицка состоялся никак¹ счастливых влюбленных Зайнетдина и Асмы.

Прожитые вместе долгие годы принесли много испытаний: не прожив и трех недель, умер их первенец, а в 1898 году их трехлетний Жалялетдин, в котором они души не чаяли, скончался от скарлатины. Но они преодолели все трудности, потому что были вместе, и Зайнетдин ни разу не пожалел о сделанном тогда в Троицке выборе.

Аллах подарил им шестерых детей: четырех мальчиков и двух девочек, и пока он всем им нужен, он не имеет права уйти. Белка должна крутить колесо!

Покой и врачебный уход сделали свое дело – Зайнетдин пошел на поправку.

Неделю он уже исправно ходил на Успенскую. Здесь на третьем этаже здания Торгового дома располагалась небольшая конторка, где раньше он работал с документами. В последнее время он бывал здесь не часто – розницу контролировал Кашаф, но сейчас он был в отъезде, а оптовая торговля... оптовая торговля практически умерла.

Магазины Торгового дома встречали его опустевшими полками и безрадостными лицами приказчиков. От прежнего живого и шумного персонала осталась едва ли треть, и чем больше он погружался в тягостный омут размышлений, сам себе говоря: «Зайни, надо что-то делать!», тем больше чувство безысходности охватывало его...

Да., годами, десятилетиями отлаживались оптимальные торговые связи, надежные схемы кредитования, создавая

живой и, казалось бы, такой крепкий организм агафуровской семейной торговли, и вот, за какие-то год-полтора, бесчисленные переплетения торговых поставок и расчетов стали рваться, как гнилые нитки. Агафуровские магазины в Екатеринбурге, Перми и Тюмени кое-как жили запасами того, что сохранилось на складах. Но кому сейчас нужны платья из модных салонов Парижа или граммофоны фирмы Пате? Нужны в первую очередь продукты и только самое необходимое. А с этим дело обстояло катастрофически плохо! Сахара не было уже едва ли не пару лет, таяли бакалейные запасы.

Похоже, надвигающуюся угрозу голода стали осознавать и большевики. Городской комиссариат продовольствия несколько дней назад принял решение о командировании в Москву под присмотром чекистов нескольких крупных торговцев, включая и его, Зайнетдина Агафурова, для закупки бакалеи, табака и других товаров первой необходимости. На эти цели из городских банков выскребли в общей сложности более полумиллиона рублей.

Болезнь не позволила Зайнетдину участвовать в этом. В новую столицу пришлось ехать Кашафу. Неожиданная оказия, впрочем, была кстати: возможность проверить дела в московской конторе Торгового дома, что располагалась недалеко от Кремля, в Ипатьевском переулке, была бы совсем не лишней.

Нет-нет, большевики большевиками, но грозные признаки надвигающегося краха Торгового дома, краха всей прежней жизни появились задолго до того, как «товарищи» стали новой властью! Когда? Быть может, тогда, когда браурная тональность газетных

публикаций с фронтов начавшейся войны сменилась сведениями о тяжелых потерях и отступлениях? Или же в те мартовские дни семнадцатого года, когда пришло первое известие об отречении государя?

А ведь как все были воодушевлены революцией! Мартовская демонстрация на Соборной площади Екатеринбурга стала апофеозом всеобщей радости. Казалось, восторг и ликование охватило не только истеричных гимназисток, но все слои общества. Десятки тысяч человек прошли мимо праздничной трибуны, восторженно выкрикивая «Да здравствует революция!», «Да здравствует Русская революционная армия!», «Да здравствует Учредительное собрание».

Главным распорядителем этого праздника был хороший знакомый Зайнетдина по городской Думе инженер Николай Ипатьев. Мог ли тогда Николай Николаевич предположить, что пройдет всего лишь год, и его собственный особняк будет реквизирован новой властью и станет тюрьмой для отрекшегося царя и его семьи?

Конечно, большое семейство Агафуровых, а в особенности его молодое поколение, тоже было охвачено праздничным настроением. Его семнадцатилетний сын Бурхан и пятнадцатилетняя дочка Садритдина Разия даже предложили повесить на здании магазина на Успенской большой плакат «Да здравствует демократическая революция». Зайнетдин с трудом охладил их пыл. Нет, свежий ветер перемен, конечно же, воодушевлял и его, но опыт прожитых лет подсказывал, что за безудержным весельем часто приходит время слез...

...Так оно и вышло! Не прошло и пары месяцев, а в воздухе уже начало разливаться

¹ Бракосочетание (татар.)

ощущение надвигающейся катастрофы. Разваливалось всё: экономика, финансы, торговля, банковская деятельность. Но самое страшное, нарастало ощущение полного хаоса и незащищенности. В расквартированных в Екатеринбурге воинских соединениях хозяйничала вольница и вседозволенность.

Изданный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и быстро разошедшийся по стране так называемый Приказ № 1, разрешавший не подчиняться офицерам и передававший власть солдатским комитетам, ускорил развал армии как в тылу, так и на фронте. И хотя последующий Приказ № 2 разъянял, что его действие распространяется только на Петроград, это уже не могло ничего изменить: развал армии шел нарастающими темпами.

Город наводнился расхристанного вида солдатами, свободно шатающимися по улицам, непрерывно митингующими в центре города и нежелающими отправляться на фронт. Вскоре к ним присоединилась и познавшая вкус крови дезертирская масса, бегущая с фронта, которая уже не останавливалась ни перед грабежами, ни перед насилием. Убийства в городе перестали быть чем-то исключительным. Милиция, пришедшая на смену разогнанной «старорежимной» полиции, оказалась не способна остановить беспорядки, будучи сама наводнена уголовными элементами.

Требовалась политическая воля, чтобы остановить это несущуюся в пропасть телегу по имени Россия, но где же ее было взять! Центральная власть – Временное правительство во главе с Керенским – была уже неспособна ни умиротворить, ни навести порядок твердой рукой..

Разруха и вольница больно ударила и по торговому бизнесу братьев Агафуровых. Стремясь удовлетворить потребности «революционной» солдатской массы, Уралсовет реквизировал со складов Торгового дома в Екатеринбурге всю имеющуюся в наличии махорку, грозя при необходимости реквизировать и продукты. А ближе к ноябрю семнадцатого по Уралу прокатилась волна погромов.

20 октября она достигла и Екатеринбурга. Пьяная солдатня громила магазины, растаскивая всё, что попадало под руку. Досталось и магазину на Успенской.

В начале ноября из Перми вернулся Садритдин, рассказавший о погромах в столице губернии: солдаты разгромили пивной склад, принадлежавший семье Поклевских-Козелл, и, напившись, вместе с присоединившейся обезумевшей толпой начали громить подряд все магазины на Сибирской улице. Досталось и конторе Торгового дома братьев Агафуровых, которая располагалась в одном здании с полностью разграбленным популярным в Перми продовольственным магазином Общества потребителей. Чудесным образом практически не пострадали магазины Агафуровых на Сибирской и Торговой¹ улицах, так как были оборудованы металлическими ставнями и дверями, ломать которые погромщики не стали, переключившись на более легкую добычу.

Но самым большим потрясением для Зайнетдина стало известие о погроме в Ирбите. К этому городу у него всегда было особое отношение. Он хорошо помнил, как впервые, будучи еще четырнадцатилетним подростком, приехал сюда

с отцом, здесь начал постигать науку большой торговли, сюда, в течение 40 лет, приезжал на известную всей России ярмарку торговать, а позже и стал членом ярмарочного комитета...

Как стало известно, в конце ноября пьяные солдаты расквартированного здесь пехотного полка под лозунгом «Бей буржуев!» стали громить магазины и склады. В возникшем пожаре сгорели и все склады Торгового дома братьев Агафуровых. Бесчинства продолжались несколько дней, пока не были остановлены красногвардейским отрядом, посланным из Екатеринбурга.

На короткое время, пока те не покинули город, Зайнетдин мог положиться на мусульманские роты. Их патрули охраняли спокойствие преимущественно в тех частях города, где проживали и торговали татары. Под их защитой находились дома на Усольцевской, Коковинской, Северной улицах и, конечно, магазины братьев Агафуровых.

К формированию мусульманских рот Зайнетдин имел самое непосредственное отношение. Когда в Екатеринбургском гарнизоне, где служило немало количество татар и башкир, стали создаваться мусульманские солдатские комитеты, их зачинщик Сахиб-Гарей Саид-Галиев обратился к уважаемым в городе татарским купцам за финансовой помощью, и Зайнетдин Агафуров, Гайнетдин Богатиев и другие купцы-татары с готовностью откликнулись и выделили деньги на обмундирование и экипировку солдат.

Позже, когда был образован объединенный Уральский областной мусульманский военный совет (Уралмусвос), Зайнетдин предложил Са-

¹ Нынешняя Советская ул.

ид-Галиеву, ставшему председателем этого совета, разместиться с членами совета в помещении чаеразвесочной в здании Торгового дома на Успенской. Крупные поставки чая давно прекратились, и помещение пустовало ...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – внук императора Николая I, пятый из шести сыновей великого князя Михаила Александровича и великой княгини Ольги Федоровны; член Совета Государственной обороны (1905–1908), генерал-адъютант (1908), генерал от артиллерии (1914), полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем (1916–1917).

Меря широкими шагами Богоявленскую, Сергей Михайлович направлялся к Кафедральной площади. Весна, успевшая порадовать несколькими теплыми днями, уступила завоеванные позиции зиме. В остывшем за ночь воздухе кружились снежинки. Суконная поддевка, которую по случаю раздобыл где-то Ремез, не слишком-то грела, и спина ныла от проклятого ревматиз-

Великий князь Сергей Михайлович.

ма. Эх, сюда бы его полевую генеральскую шинель!

Он вообще не любил обычную гражданскую одежду, привыкнув за долгие годы к военной форме. Парадные мундиры, впрочем, тоже не жаловал, хотя, по словам старшего брата Николая, они ему очень шли. И неудивительно: высокий, под два метра ростом, красиво сложенный, с прямой осанкой, в парадном мундире на фотографиях он выглядел величественно и неотразимо. Пожалуй, только взгляд, чуть наивный, без малейшей надменности, да слегка вздернутый нос портили это ощущение величественности.

Перекрестившись перед Богоявленским собором, он поймал на себе взгляды прихожан, и, инстинктивно втянув голову в плечи, проследовал к Гостиному двору.

Высокий рост, бывший когда-то, в юности, предметом его гордости, давно уже вызывал в нем досаду, постоянно привлекая к себе внимание там, где ему этого совсем не хотелось. Вот и сейчас, проходя мимо лавок Гостиного двора, он чувствовал на себе пристальные, будто сверлящие затылок, взгляды торговков.

«Ну и черт с ними со всеми! – подумал Сергей Михайлович. – Сегодня мой день! Гулять так гулять!» Накануне, по протекции Аничкова, он оформил заем у одного из знакомых Владимира Петровича на целых пять тысяч рублей! А значит, в ближайшие три-четыре месяца им с Ремезом о деньгах можно не думать.

Его давний секретарь и помощник Федор Семенович Ремез как верный оруженосец последовал за ним в ссылку сначала в Вятку, а теперь и в Екатеринбург. Их отношения стали, по сути, дружескими, и из обращения давно исчезло

ставшее уже таким ненужным «Ваше Высочество».

Все денежные сбережения великого князя в размере полумиллиона рублей оказались замороженными в «Займе Свободы», и, если бы не кое-какая наличность у Ремеза, дела были бы совсем плохи. Из дворца, где после отречения Ники он жил у старшего брата Николая, его вместе с семьей брата выгнали большевистские матросы, не дав на сборы и двух дней, не позволив взять ничего, кроме каких-то личных вещей, да еще его походной кровати, к которой привыкла его «ревматическая спина».

Поэтому инициатива Аничкова о займе пришлась весьма кстати. Нет, все-таки ему везло на хороших людей! Владимир Петрович оказался именно таким – чудным человеком! Будучи и сам на птичьих правах в этом доме на Фетисовской,¹ не побоялся отдать две комнаты из пяти для него с Ремезом! А его супруга Мария Петровна! Было видно, что она делает всё, чтобы великий князь чувствовал в их доме семейную заботу. И все первые дни Сергей Михайлович со своим секретарем питались за одним столом с замечательным семейством Владимира Петровича.

Теперь, имея деньги, он сможет, наконец, сделать свой посильный вклад в домашнее хозяйство Аничковых. Складывая купленное в бездонный кошель и неуступчиво торгуясь за каждый гривенник, чувствуя на себе посторонние взгляды, Сергей Михайлович с каким-то веселым злорадством говорил себе: «Смотрите, смотрите! Когда еще увидите великого князя, торгующегося на базаре за дюжину яиц?»

Дома, выпростав перед изумленной Марией Петровной неподъемный кошель со сне-

¹ Нынешняя ул. Бориса Ельцина

дью, он с гордым видом добытчика удалился в свою комнату.

Взяв из пепельницы остаток последней сигары, начатой еще вчера вечером, и стряхнув почерневший пепел, Великий князь бережно ее раскурил. Горький дым окутал небо, и, откинувшись в кресле, Сергей Михайлович ощутил покой и умиротворение. Поразительно! Он уже начал забывать, что такое может быть в его жизни!

...Последние пять лет выжали его как губку, уничтожив остатки былой открытости и доверия к людям и превратив в закоренелого пессимиста, потерявшего надежду на будущее – свое, своих близких, да и самой России.

Всё, чему он посвятил свою жизнь – а это, ни много ни мало, создание артиллерийской мощи России – оказалось востребованным кое-как, а свои заслуги на этом поприще – подло обогланными бездарями и казнокрадами, удобно устроившимися под сенью царской короны. Развал армии, начавшийся еще до большевиков, но многократно ускоренный ими, ставил жирную точку на надежде избежать позора в этой войне, названной царским домом Великой.

Он и раньше не раз задумывался об этом: в чем же здесь его, лично его вина? И не находил ответа. Еще будучи младшим офицером, он, не отлынивая, постигал премудрости артиллерийской науки, участвуя в стрельбах и достигая отличных результатов. И позже, будучи уже тридцатилетним полковником, не чурался своими руками разбирать поступающие образцы новой французской и немецкой артиллерийской техники, стремясь использовать всё самое лучшее в российской армии. Тогда он поставил перед

собой амбициозную задачу: поднять артиллерийскую науку и практику на новую высоту, полностью перевооружив российскую армию.

Казалось бы, всё способствовало этому. Он быстро и уверенно рос по службе, и уже в 1905 году в возрасте 36 лет занял пост генерал-инспектора артиллерии в чине генерал-лейтенанта и должность начальника Главного Артиллерийского управления. И ведь ему многого удалось достичь!

Разве не благодаря ему удалось создать с нуля в Российской Императорской армии новый вид артиллерии – скорострельную, с использованием русских же орудий, и она блестяще показала себя еще в войне с японцами!

После той позорной, как он считал, войны, он делал всё, чтобы извлечь из нее пусть и печальные, но необходимые выводы. Со своими бесконечными инспекционными поездками по различным гарнизонам и полигонам он немало сделал, чтобы поднять боеспособность артиллерии в деле практических стрельб и слаженности в действиях орудийных расчетов.

А стрельба с закрытых позиций! Сколько сил ему пришлось потратить, сколько косности преодолеть даже среди старшего офицерства, чтобы добиться понимания, что артиллерийские орудия должны стоять не в «чистом поле», открытыми для врага, а в укрытиях, из которых с помощью оптической техники и специальных навыков наносить удары по неприятелю. И ведь удалось! Сколько жизней, сколько артиллерийских орудий было спасено уже в этой последней войне!

Нет, ему не в чем себя винить! Все его планы и помыслы

были связаны с русской артиллерией, призванной стать непобедимым богом войны. Но из пушек стреляют люди! Сколько усилий, большей частью, увы, тщетных, потратил он на то, чтобы убедить правительство, да и самого государя в необходимости резкого увеличения военно-учебных заведений по подготовке воинов-артиллеристов. И пусть к началу этой войны действовало только четыре специализированных Артиллерийских училища, но и это было целиком его заслугой!

Он поименно мог бы назвать практически весь старший командный состав артиллерии, так как лично знал каждого – без его заключения не могло состояться ни одного назначения на должность командира батареи, не говоря уже о более высоких должностях. И главным для него были не протекция, не высокое происхождение, а умение и преданность делу.

Так почему же три последних года, до большевистского переворота, превратились для него в ад?

Неудачи в военных действиях начала 1915 года, потери территорий, а с ними и в огромном количестве мощных артиллерийских орудий, снарядный голод, проявившийся чуть ли не с самого начала войны, – конечно, всё это заставляло общество искать виновных в высших эшелонах власти. Будучи человеком прямым и поэтому неудобным, попал под удар и он.

Абсурд! Его обвинили в снарядном голоде, душившем армию! И это при том, что Верховный Главнокомандующий – в тот период великий князь Николай Николаевич – дал разнарядку по снарядам всего на шесть месяцев боевых действий – видимо, таков был план войны у этого бездарного и са-

мовлюбленного солдафона! И эта разрядка была полностью выполнена, но боеприпасов-то не стало хватать уже в самом начале войны!

Жестокий ревматизм почти на полгода приковал его тогда к постели, и он отчаянно страдал от невозможности оказаться на фронте. Ему было ясно, что в управлении всем вооружением, и в особенности артиллерийским, в российской армии царит неразбериха, и, едва почувствовав себя лучше, добился от Государя решения о своем назначении Председателем Особой Распорядительной Комиссии по артиллерийской части.

Погрузившись с головой в ее работу, он пришел в ужас от состояния дел в сфере поставки вооружений. Шел второй год войны, а руководители заводов, выполнявших военные заказы, отнюдь не спешили переходить на военные рельсы, тормозя работу многочисленными бюрократическими проволочками. Компании-посредники сплошь и рядом наживались на дефиците снарядов. Мздоимство и коррупция, вечные спутники российской жизни, расцвели с началом войны пышным цветом.

Его решительные и жесткие действия как Председателя комиссии столкнулись не только с противодействием снизу, но и с непониманием в самом царском правительстве, Ставке и, главное, со стороны Военного Министра Сухомлинова, которого он ненавидел всей душой и, по прямоте своей, открыто называл взяточником.

Подлец Сухомлинов пользовался безграничным доверием Николая II, и это особенно ранило Сергея Михайловича – ведь он любил Ники, хорошо, впрочем, зная о его мягкотелости и внушаемости.

Интриги одержали верх, и его Особая Комиссия через несколько месяцев была упразднена. Сергей Михайлович представил, как была этому рада ненавидевшая его императрица Александра Федоровна. Впрочем, он сам испытывал к ней похожие чувства, считая ее глупой истеричкой, имевшей дурное и потому опасное влияние на Государя.

Правда, и постоянно мешавший ему Сухомлинов также был снят с должности Военного Министра, а еще через некоторое время арестован и, в конце концов, осужден за измену и взяточничество.

А еще через полгода Николай II, как бы признавая совершенную ошибку, назначил его, Сергея Михайловича, генеральным инспектором артиллерии при Верховном Главнокомандующем с самыми широкими полномочиями.

К началу военной кампании 1916 года снарядный голод был в основном преодолен, и не его вина, что обстановка на фронтах становилась всё хуже. Это ощущение всеобщего развала: в армии, в Ставке, в стране нарастало в нем с каждым часом. Должно было что-то произойти, и это произошло ...

ЗАЙНЕТДИН

Ничто уже не могло остановить неуклонного скольжения к пропасти. Джинн разрушения был освобожден из заточения, и остановить его уже никто был не в силах. В том, что «как раньше» уже не будет никогда, Зайнетдин уже не сомневался! Сидя в конторке на Успенской, он вновь и вновь задавал себе один и тот же вопрос: как и когда произошло то, что творится сегодня со страной и обесценило всё, чему он посвятил свою жизнь, заставляя его со

страхом думать о судьбе своих детей и внуков?

А может быть, это началось гораздо раньше – еще 13 лет назад? Вспомнился 1905 год. Страна бурлила, вся либеральная демократическая часть общества поддерживала борьбу рабочих за свои права – сочувствие к «угнетенным» во все времена было в крови у прогрессивной общественности! Зайнетдин в это время зачитывался статьями и выступлениями П.Милюкова, П.Струве, Ф.Коккошкина. У него не было никаких сомнений, что возникшая на волне революционных событий 1905 года Конституционно-демократическая партия – это именно его партия. Ведь среди ее целей были такие близкие по духу Зайнетдину принципы, как:

- равенство всех российских граждан без различия пола, религии и национальности;
- свобода совести, слова, печати, собраний, союзов;
- культурное самоопределение всех наций и народностей (религия, язык, традиции).

Он, который, что называется, с младых ногтей сталкивался с непробиваемо-косной царской системой чиновничьей вертикали, где без взяток или покровительства невозможно добиться успеха ни в коммерции, ни в какой-либо иной деятельности, где известную свободу дают только деньги, причем очень большие деньги, давно понимал, что нужны перемены.

И он не только вступил в партию кадетов, но даже внес личные средства в стачечный фонд бастующих рабочих Екатеринбург!

Это вызвало усмешку младшего брата Кашафа и полное неприятие старшего – Камала. Но это были его, Зайнетдина, убеждения!

Отчего же он не увидел, что именно тогда, осенью 1905 года проявилось это лицо – лицо ХАМА, пока еще не вполне ясное, зыбкое, но ставшее таким отчетливым и страшным сейчас, в 1918 году, – лицо ХАМА во власти, составленное тысячами лиц Юровских, Сыромолотовых, Белобородовых и многих других, играющих сегодня судьбами людей!

А тогда, осенью 1905 года, Организационный кружок – наиболее активная часть «Уральского союза приказчиков и служащих торгово-промышленных предприятий, частных и общественных учреждений» – выступил в газете «Урал» с так называемым «Воззванием к обществу».

В нем содержался призыв ко всем гражданам, ни много ни мало, бойкотировать Торговый дом «Братья Агафуровы», то есть, как было написано, «воздержаться от всяких покупок, сделок и торговых отношений с названной фирмой».

Поводом послужило увольнение одного из служащих фирмы, некоего Кайгородова, которого Агафуровы уволили якобы за то, что он посмел требовать улучшения условий труда и быта. Зайнетдин наиболее болезненно воспринял эти обвинения. Внимательное, справедливое отношение к нанятым работникам всегда было важной частью семейного торгового дела. Так повелось еще с момента его создания отцом – Хисаметдином Агафуровым. Недаром служба «у Агафуровых» всегда считалась престижной, и служащие дорожили своим местом.

Братья отнеслись к событию по-разному. Кашаф посмеялся над угрозой бойкота, считая ее глупой и неосуществимой. Камал, согласившись с ним, вспылал: «Давно нужно было гнать в

шею этого болтуна. Он никогда мне не нравился!»

Но Зайнетдин не мог себе позволить проигнорировать несправедливые обвинения в преследовании приказчиков за убеждения, тем более что Кайгородов, действительно, уволился сам, по собственному желанию, сочтя свою зарплату недостаточно высокой. Да и недавнее вступление Зайнетдина в Конституционно-демократическую партию, ставшее уже достоянием общественности, обязывало ответить.

И тогда на страницах газеты он вступил в открытую полемику, согласившись привлечь для справедливого решения третейский суд, а потом убедительно доказав, что все обвинения были надуманными. Точку поставило коллективное письмо служащих Торгового дома, которые, по сути, стали на сторону братьев Агафуровых.

Конфликт сошел на нет, а мыльный пузырь грозящего бойкота лопнул. Ни авторитет Торгового дома, ни его собственный авторитет несколько не пострадали. Скорее, поднялись!

Осознавал ли тогда победивший Зайнетдин, что это не просто случайный казус, один из многих на нелегком поприще торговли. А то, что на волне борьбы за права человека труда, самоутверждался именно он, «его величество» ХАМ, чьи грозные победы, как оказалось, еще впереди?

Но ни тогда, ни позже Зайнетдин не отказывался от своих убеждений, оставаясь членом Конституционно-демократической партии – партии «Народной свободы», активно участвуя в выборах, внимательно следя за всеми перипетиями политической деятельности ее лидеров, их арестами, участи-

ем в работе Государственной Думы.

Среди его кумиров были и блестящий юрист Федор Кокошкин, и земский врач Андрей Шингарев. Газеты «Русская мысль», «Речь» и «Русские ведомости» с их статьями всегда лежали на его столе.

Каким же глубоким разочарованием уже после отречения царя стала для Зайнетдина деятельность Шингарева на посту министра финансов Временного Правительства! «Это конец нашей торговле!» – воскликнул тогда Зайнетдин, узнав о новой инициативе бывшего кумира ввести прогрессивную шкалу подоходного налога, которая позволяла изымать до 90% прибыли. Оставалось одно: чтобы окончательно не разориться, скрывать и без того сократившиеся с началом войны доходы.

Было очевидно, что деятельность конституционных демократов, составивших стержень Временного Правительства, неспособна остановить неуклонное движение к краху, и уже осенью семнадцатого к власти в столице пришли большевики. А в январе восемнадцатого из Петрограда пришло страшное известие: пьяными «революционными матросами» зверски убиты прямо в палате тюремной больницы арестованные незадолго до этого большевиками Федор Кокошкин и Андрей Шингарев! Ужас, который испытал Зайнетдин, открыл перед ним простую и страшную истину: у новой власти нет человеческого лица...

...Сидя в конторке и просматривая тощий отчет за вчерашний день, Зайнетдин невесело усмехнулся: «Какая злая ирония судьбы!» Четыре года назад, когда Торговый дом был на пике своего могущества, нелепая ситуация чуть не при-

вела его к банкротству, поставив пусть и в формальную, но унижительную зависимость от так называемой администрации по делам Торгового дома. А теперь, когда торговать нечем, и Торговый дом, по сути, находится при смерти, он получает «освобождение» от сторонней опеки. И от кого? От большевиков!

Пару месяцев назад его вызвали в бывший дом Поклевских-Козелл, в котором теперь хозяйничали большевики, где Областной Комиссар финансов Федор Сыромолотов торжественно объявил Зайнетдину, что «принято решение об отмене администрации» и, пожав ему руку, радостно добавил: «Ну вот! Оковы сброшены, работайте свободно на благо Советской республики».

Размышления прервал резкий телефонный зуммер. На проводе был Аничков.

...Этот звонок не был неожиданным для Зайнетдина. Несколько дней назад между ними состоялся разговор здесь же, в конторке на Успенской. Владимир Петрович рассказал, что в город, в ссылку прибыл великий князь Сергей Михай-

лович и князя императорской крови Константиновичи – Иоанн с супругой, Константин и Игорь, а также молодой князь Палей. Оказалось, что им весьма сложно найти жилье: все, к кому бы они ни обратились, боются преследований со стороны городской власти.

Великого князя уже «приютит» у себя Владимир Петрович, хотя сам жил в съемной квартире. Супружеская чета князя Иоанна с Игорем, вроде бы, тоже решили проблему. Осталось найти комнату для молодых людей: Константина и Владимира Палея. Не мог бы Зайнетдин Хисаметдинович помочь в этой проблеме?

Разумеется, Зайнетдин обещал помочь, и они договорились созвониться через пару дней.

Дома он рассказал об этом жене, и Асма, конечно же, согласилась. Да он и не сомневался в этом. На втором этаже их дома две небольшие комнатки всегда были свободны на случай приезда гостей. Городская власть его пока не тревожила, и никаких попыток реквизиции или «уплотнения» Агафуровы до сих пор не испытывали, хотя некоторые уважаемые в Екатеринбурге люди уже столкнулись с этим. Взять, к примеру, инженера Ипатьева!

Почему? Зайнетдин уже задавал себе этот вопрос, но ответа найти не мог. Уж и вправду, не потому ли, что главный большевик Урала, Председатель обкома РСДРП(б) Иван Малышев когда-то работал у Агафуровых? Вряд ли! Зайнетдин с трудом мог поверить в сентиментальность «товарищей».

А вообще, новость о ссылке великих князей нисколько не удивила Зайнетдина: несколько дней назад газеты сообщили, что в Екатеринбург был доставлен совсем еще недавно

самодержец, а теперь просто «гражданин Романов» с домочадцами, и что всё семейство разместили в реквизированном особняке Николая Николаевича Ипатьева, что на Вознесенской горке. Казалось, город узнал об этом еще до объявления, и многочисленные зеваки, не боясь вооруженной охраны, сновали рядом с особняком, пытаясь безуспешно заглянуть за высоченный уродливый забор, спешно сколоченный вокруг здания.

Сам Зайнетдин узнал об этом от девочки-домработницы Газзы, которая взахлеб рассказывала на кухне его невестке Софии, как она вместе с другими такими же любопытными девчонками бегала к городскому пруду и, наблюдая за домом Ипатьева, якобы видела, как Государь выходил с папироской на балкон.

Зайнетдин даже прикрикнул на нее, что с ним случалось очень редко, чтобы она больше так не делала и не позорила ни себя, ни Агафуровых! В конце концов, место заключения бывшего Государя – это не цирк и не потеха!

По отношению к свергнутому царю Зайнетдин не испытывал злорадства, но и жалости к нему, однако, тоже не питал, считая, что именно он повинен в том, что произошло в стране. Здесь они полностью совпадали во взглядах со старшим братом. Камалетдин был, правда, жестче и определеннее в своих оценках Николая II. «Бэрэн башкасы»¹ было в его устах самой мягкой характеристикой самодержца...

– Ну что, дорогой Владимир Петрович, где же ваши квартиранты? Комнаты уже подготовлены! – взяв трубку и поздоровавшись, спросил Зайнетдин.

¹ Баранья башка (татар.)

Владимир Петрович Аничков.

– Извините, Зайнетдин Хисаметдинович! Доставил вам беспокойство! Эту проблему вроде бы удалось решить. Но есть ммм... другая, – Аничков замаялся.

– И что за проблема?

– Не хотелось бы по телефону... Вы позволите, я лучше подъеду.

– Милости прошу, я буду здесь еще часа два.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

С каким облегчением и едва ли не восторгом он встретил февральские события семнадцатого года! Недальновидный и безвольный Ники так и не решился на принятие Конституции, а ведь не раз к нему зывали с этой просьбой даже Великие князья. И что в результате? Потерял всё и похоронил своим руками 300-х летнюю Романовскую монархию!

Ну что ж, наконец-то, на смену закосневшей царской бюрократии, душащей всё свежее и живое, придет общество на демократических началах свободы, справедливости и порядка! Так думал он тогда, искренне приветствуя создание Временного Правительства.

И как же мог он так ошибаться, прожив почти полвека и давно уже растеряв на этом пути остатки доверчивости и веры в людей?

Травля Сергея Михайловича продолжилась и при новой власти. Желтая пресса вовсю глумилась над их отношениями с гражданской женой, балериной Матильдой Кшесинской, обвиняя обоих в казнокрадстве и взяточничестве. Подумать только: его Малю обвиняли в лоббировании военных заказов у определенных поставщиков! Известная балерина и...военные заказы!

Его покровительство Кшесинской было известно всем, и

подлецы разных мастей умело пользовались этим фактом и самим именем Кшесинской в своих гнусных целях! Зная, что это ложь, он готов был представить любые документы, ведь все финансовые дела Матильды вел он сам.

Его выматывала эта травля и в особенности то, что в эти мерзкие сплетни готовы были поверить даже самые близкие ему люди. Вот и старший брат Николай, который всегда был для него примером благородства и здравомыслия, в своих письмах настоятельно призывал его «не видеться» с Малей и «дистанцироваться» от нее.

Страшные события между тем происходили в стране.

Уже через месяц-другой армия, дезориентированная дурацкими указами новой власти и обработанная большевистскими агитаторами, стала окончательно разваливаться на глазах. Будучи уже отстраненным от должности Временным Правительством, но всё еще находясь в Ставке в Могилеве, он своими глазами мог наблюдать это разложение. Без жесткой дисциплины опора и защита государства, армия, постепенно, но неуклонно превращалась в дезорганизованный сброд, способный на любые преступления!

Все последующие события лишь подтверждали его пессимистические предположения. И когда в ноябре семнадцатого, теперь уже в большевистский Петроград, где он находился, пришло известие, что в Могилеве пьяной солдатней, поджуживаемой матросами, был заколот штыками и растерзан Верховный Главнокомандующий Николай Духонин, он уже ничему не удивлялся.

«Какая там республика! – с горечью думал он, – этому на-

роду не нужна республика, он до нее не дорос! Да и не сами ли Романовы помогали ему пребывать в этой животной дикости? Сегодня этому народу нужны только кнут, крепкие вожжи...и виселицы!»

«Tant pis!» – подумал он тогда, вспомнив давно забытую уже и так любимую им в юности поговорку, от которой долго не мог избавиться. Друзья, с подачи еще юного Ники, прозвали его тогда «Месье Тан пи». Но, если в юности это было всего лишь бравадой безусого нигилизма, то сейчас, выстрадавшее разочарованием прожитой жизни, звучало как: «Пропади оно всё пропадом!»

«Tant pis!»¹ – повторил про себя Сергей Михайлович, глядя на утонувшие в сигарном дыму две небольшие фотографии в незатейливых рамках, стоящие на письменном столе. Где бы он ни находился, они всегда были с ним: и в Вятке, куда он был сослан в предыдущем месяце, и до этого, в доме князя Оболенского, у которого он временно поселился после того, как большевики выгнали его из дворца старшего брата Николая.

На одной из них была запечатлена его Маля – еще юная балерина Матильда Кшесинская в роли Авроры из «Спящей красавицы», на другой тоже она, но уже взрослая женщина с их семилетним Вовой. Он любил смотреть на эти фотографии, хотя бы ненадолго возвращаясь в ту жизнь, в которой хоть и были страдания, но где он был по-настоящему счастлив, в ту жизнь, которой давно уж нет.

«Tant pis!» Сегодня его волновало только одно: как они там в Кисловодске? Не добралась ли уже и туда злобная сила этих дикарей?

¹ Ну и пусть! (франц.)

Он достал из внутреннего кармана маленький золотой медальон с ее портретом – Маля подарила его в знак своей любви, когда они стали жить вместе. Как же он рад, что еще в прошлом году удалось убедить ее покинуть вместе с Вовой Петроград и оставить эти бесплодные попытки вернуть свой особняк, который заняла революционная шантрапа с их Ульяновым-Лениным. А ведь большевики тогда еще не были во власти! Но закон уже тогда был ничем перед правом того, кто сильнее.

Великая княгиня Ксения Александровна.

Маля... Это имя он впервые услышал от Ники. Цесаревич как-то признался Сергею, что ему приглянулась юная балерина, только что сдавшая выпускной экзамен в Императорском театральном училище и включенная в труппу Мариинки. Вместе с отцом, императором Александром III, и маман,¹ Ники присутствовал на этом экзамене и сразу обратил внимание на юное дарование. Потом на праздничном ужине, посвященном этому событию, цесаревич подсел к ней за стол и, смущаясь, стал говорить какую-то чепуху.

«Но главное, – с восторгом рассказывал Ники Сергею, – она весь вечер смотрела только на меня!»

– Она такая милая, такая... хрупкая! Мне кажется, я мог бы влюбиться!

– И как ее зовут? – поинтересовался Сергей.

– Матильда, Матильда Кшесинская. Смешно, но ее называют – Кшесинская-2, потому что ее старшая сестра Юлия – Кшесинская-1 – тоже балерина и танцует в Мариинском.

– Боже, какое грубое, просто чудовищное имя! – поморщился Сергей, не замечая недо-

вольства на лице Ники. – У нас, когда мы с рара² жили на Кавказе, была толстожопая повариха по имени Матильда! Мы с Сандро постоянно ее дразнили!

– Всё-то ты испохабишь! – недовольно пробурчал Ники, – она сказала, что в семье ее зовут Маля. По-моему, прелесть!

– Ну вот, – рассмеялся Сергей, – Маля – это совсем другое дело!

Мог ли он даже подумать, что Маля очень скоро станет самым большим счастьем в его жизни! Его судьбой... и его тяжким крестом.

А тогда ему не было дела ни до какой Мали-Матильды! Не было, потому что сам он был по уши влюблен и не знал, как ему признаться. Его первой любовью стала Ксюша – сестра цесаревича Ники!

...Детство Сергея Михайловича и его братьев прошло на Кавказе, недалеко от местечка Боржом, где была резиденция его отца – наместника императора на Кавказе великого князя Михаила Николаевича. Ни сам великий князь, ни его супруга не отличались склонностью к сантиментам, и воспитание детей было почти спартанским: жесткий график ежедневных

занятий, сон на солдатских койках, скромная, без излишеств, пища, наказания за малейшие провинности.

Вариантов будущего было немного – а точнее, один единственный – военная служба на благо Отечества и Государя. Может показаться смешным, но маленькому Сергею было две недели, когда его зачислили в воинскую часть, названную его же именем: «153-й пехотный Вакусный полк Его Высочества Великого князя Сергея Михайловича».

Всё изменилось в 1881 году, когда бомба, брошенная народолюбом Гриневицким, убила царя-реформатора Александра II. Вступивший на престол его сын Александр III отозвал с Кавказа великого князя Михаила Николаевича, успешного военачальника и администратора, возложив на него обязанности Председателя Государственного Совета. Всё семейство великого князя переместилось из Боржом в столицу Империи.

Двенадцатилетний Сергей словно бы оказался в другом мире. Именно тогда они близко подружились с подрастающим цесаревичем, которого близкие звали Ники. Находясь в Гатчине, они устраивали веселые забавы, прятались в закоулках

¹ Мама (франц.)

² Папа (франц.)

замка, лазали по деревьям – кто выше заберется, возились на траве в парке, меряясь силами. Ники был старше Сергея на год, но Сергей физически был более крепким. И во всех забавах не отставала от них сестра Ники – маленький чертенок, шестилетняя Ксюша. Мальчишки просто не знали, куда от нее деться!

А потом стало не до забав. Ребята подрастали, Сергей поступил в Михайловское артиллерийское училище, которое блестяще окончил. И будучи уже двадцатилетним подпоручиком гвардии, вдруг заметил, что прежний пострел Ксюшка превратилась в стройную очаровательную девушку. И только смешливый взгляд выдавал в ней прежнего чертенка, готового к любой каверзе.

Теперь Сергей старался использовать любую возможность, чтобы оказаться у нее на глазах, затеять умный разговор или неожиданно блеснуть остроумием. И ведь он был уверен, что нравится ей, он не мог ошибиться! Свое будущее он видел только с Ксенией, осталось только дождаться ее совершеннолетия.

За годом шел год, девушка расцветала, и чувство Сергея

к Ксении становилось только крепче.

Отношение Сергея к сестре, конечно же, не могло ускользнуть от цесаревича. Сам он в это время весь был охвачен чувством к Матильде Кшесинской и в то же время ждал согласия Аликс – принцессы Алисы Гессенской и Прирейнской, внучки английской королевы Виктории, на сделанное им предложение руки и сердца.

Как-то, когда они с Сергеем остались вдвоем, Ники, как бы, между прочим, произнес:

– Представляешь, Сережа, Ксюша призналась мне, что давно уже влюблена в Сандро! Этих девиц никогда не поймешь, о чем они думают!

Сергею стоило большого труда, чтобы не показать виду, как эта новость ошеломила его, и он был благодарен Ники за то, что тот нарочито смотрел куда-то в сторону.

«Tant pis!» Хорошо хоть, что избранником Ксении стал именно Сандро. По крайней мере, это было не так обидно. Сергей очень любил старшего брата, и в детстве даже хотел быть похожим на него. Александр, которого, в бытность еще на Кавказе, в семье называли на грузинский манер Сандро, был

действительно красавцем! Высокий, хоть и не такой каланча, как Сергей, стройный, с удивительно красивыми глазами и правильными чертами лица, он пользовался заслуженным успехом у слабого пола, и в свои 27 лет был еще холост.

Как бы то ни было, эта новость надолго выбила Сергея из колеи, и он поклялся себе никогда не жениться!

Но наступил 1894 год, который много изменил в жизни и Сергея, и цесаревича, да и, как стало понятно позже, в судьбе России.

Ксения вышла замуж за Сандро, а счастливый Ники, получив-таки согласие его Аликс и благословение монарших родителей, готовился к предстоящей свадьбе. Конечно же, Ники и дальше рассчитывал на не обремененную серьезными заботами жизнь цесаревича в объятиях Аликс, не предполагая взваливать на себя монарший груз. Ведь его отец, император Александр III, был еще так молод и полон сил – всего-то срок девять лет!

Но недаром говорится: «Божья тварь предполагает, а Господь располагает!»

В октябре этого года император Александр III скоропо-

Великий князь Александр Михайлович (Сандро).

Николай II Александрович – император Всероссийский.

стижно скончался! И на слабые плечи Ники – новопомазанного императора Николая II – легла тяжкая ноша с названием Российской Империя.

...За полгода до этих событий между Сергеем и Ники состоялся памятный разговор. Было видно, что Ники смущен и с трудом подыскивает слова.

– Ты ведь знаешь, в конце года состоится наша свадьба с Аликс, которую я люблю всем сердцем, ...думаю, ты понимаешь, ...продолжать наши отношения с Малей ...для меня просто невозможно! Ни сейчас, ни позже, ...никогда! Я, конечно же, дал ей это понять, но знаю, как она это переживает! Мне самому тяжело, я успел так ...привыкнуть к ней. Но по-другому просто не может быть!

– Я прекрасно тебя понимаю, Ники, но, что я могу сделать?

– Ты знаешь, она прекрасно относится и к тебе, и к Сандро, ...но Сандро ...он теперь женат, а ты еще нет. Я хочу просить тебя, ...ведь ты же мне как брат! Хоть и дядя! – Ники коротко усмехнулся.

– Да говори же, наконец! – не удержался Сергей.

– Я очень не хочу, чтобы она чувствовала себя ...куклой, которой поиграли и ...бросили. Я написал Малю письмо, в котором еще раз попытался всё объяснить и сказать, что она оставила во мне след, который ...уже ничто в жизни не способно стереть. Хотел, чтобы ты его отвез, но ...сейчас передумал. Это слишком ...опрометчиво и опасно. Прошу тебя, передай ей это ...на словах – ты сможешь! И еще ...я хотел бы, чтобы ты ...взял Малю под свою опеку! Передай ей, что это мое желание.

– Но ...

– Не возражай, пожалуйста! Я понимаю, что это звучит

двусмысленно, но, знаю, Маля тебе нравится, и при твоей деликатности ты ... всё сможешь решить. Поверь, если тебе потребуется в чем-то моя помощь, ты всегда сможешь на меня положиться...

ЗАЙНЕТДИН

Приехавший через полчаса Аничков был явно смущен визитом и рассказал, что ни у великого князя Сергея Михайловича, ни у князя Палея, доставленных сюда принудительно, практически нет денег, и они не могут не только снять комнаты, но и позволить себе самого элементарного.

– Конечно, если бы я мог им помочь, то непременно бы это сделал! Но вы, наверное, знаете, дорогой Зайнетдин Хисаметдинович, что с должности управляющего банком я давно уже снят и даже из квартиры выселен – вынужден сам снимать комнаты для семьи. А счет мой в банке заморожен. Сергею Михайловичу мне помочь удалось: договорился с Жирыковым, и тот готов ссудить великому князю пять тысяч.

– Я понимаю, – замаявшись, продолжил Аничков, – время для ссуд сейчас не самое подходящее, тем более близко не знакомым вам людям, но, зная наши отношения, всё же рискну просить вас выделить такую же сумму для молодого князя – Владимира Палея. Разумеется, готов быть поручителем!

– Полно, Владимир Петрович! Буду рад оказать вам эту услугу. Мы можем поехать сейчас ко мне на Усольцевскую, и я передам вам деньги для князя. Асма Садыковна будет рада вас видеть!

– Нет-нет! Покорнейше благодарю, и передайте мое искреннее почтение супруге, но ...великий князь ...он, так ска-

зать, опекает молодого Палея, ...он человек болезненно щепетильный, и хотел бы, чтобы всё было оформлено по всем правилам кредита! Просто принять деньги он ни за что не согласится!

– Ну что же, сделаем, как хочет великий князь, – пожал плечами Зайнетдин.

Они договорились, что Зайнетдин придет в съемную квартиру Аничкова на Фетисовскую, 15, завтра к шести вечера.

...Владимира Петровича Аничкова Зайнетдин знал еще с 1913 года, когда тот впервые появился в Екатеринбурге, сменив в должности прежнего Управляющего Волжско-Камским банком. Тогда же и возникло между ними тесное общение, поскольку Зайнетдин входил в состав учетно-ссудного комитета этого банка и был его активным членом.

Аничков сразу вызвал у него живую симпатию своей интеллигентностью и демократичностью и в деловом, и в бытовом общении. Чуть позже эти качества Зайнетдину довелось оценить, когда решался вопрос о банкротстве фирмы, вылившийся в итоге в учреждение Администрации по делам Торгового дома «Братья Агафуровы». Тогда в полной мере проявились и профессионализм, и деликатность Аничкова. Позже Владимир Петрович с супругой и двумя очаровательными детьми, Наташей и Толей, не раз гостили у него на дачах.

Понятно, что отказать Аничкову Зайнетдин не мог. Сумма пять тысяч рублей не могла сильно пошатнуть семейные денежные запасы. Именно запасы, поскольку все его личные счета в банках давно были заморожены. Там же «застряли» и золотые слитки, находящиеся

на хранении. Да и остались ли они еще? Банки же по распоряжению «товарищей» выдавали гражданам с их собственных счетов не более 600 рублей в месяц. Оставалось одно – накапливать наличность и хранить ее дома.

«Пять тысяч – сумма, однако, не такая уж и маленькая! – подумалось Зайнетдину. На эти деньги человек вполне мог бы, нормально питаясь и снимая жилье, прожить несколько месяцев!»

«Ну, хорошо, а дальше? Что дальше? Вернется прежняя власть, вернет князьям все их сбережения, и это позволит вернуть долг?! Это даже не смешно! На что же рассчитывает великий князь Сергей Михайлович с этой своей «щепетильностью»?!»

Зайнетдин почувствовал, как в нем поднимается раздражение!

«Даже сейчас, находясь на краю, этот князь, видимо, считает ниже своего достоинства принять пожертвование из рук какого-то провинциального купца, и хочет разыграть спектакль с юридическим оформлением кредитной сделки!»

Ну, а что же он сам, купец 2-й гильдии Зайнетдин Хисаметдинович Агафуров, с детства знающий, в отличие от князя, каким трудом достаются деньги? На что может рассчитывать он? И ответ был ему хорошо известен: ни на что!

И, как это всегда с ним случалось, когда нужно было принимать решение, он подумал о старшем брате: как бы поступил он? Не теряя слов, Камал, наверняка, покрутил бы пальцем у виска!

Про младшего и говорить нечего! «Зайни, это безрассудство! Зачем тебе это нужно?» – сказал бы обескураженный Кашаф.

Впрочем, это уже не важно. Решение он уже принял, и свое обещание сдержит.

Он опять подумал о старшем брате.

Камал... После смерти жены он полностью отошел от дел и постоянно жил на дачах. Виделись они теперь редко, но не было дня, чтобы он мысленно не обращался к брату. Он очень любил Камала и всегда немножко завидовал его уверенности и решительности, которых, как ему казалось, так порой не хватало ему самому.

В детстве он чувствовал себя за ним, как за каменной стеной. С ним он мог не бояться ничего, и один, семи-восемилетний, не страшась, ходил купаться на пруд или гулял в чужих дворах на Богоявленских¹ и даже, Фетисовской улицах, где местные мальчишки страсть как не любили чужаков и могли запросто поколотить любого. Но Зайни бить никто не решался – знали, что он младший брат Камала! А Камала все побаивались. Ну а если такое случалось, то приходил Камал, и тогда ни один из обидчиков не мог уйти от наказания!

Невысокий, коренастый и широкоплечий, он в свои 15 лет не выглядел богатырем, но своим коротким и резким ударом мог свалить и взрослого мужика. Попадая в переделку, широко расставив ноги, он как будто вращался в землю, и повалить его никому не удавалось. Сам же он легко мог разбросать трех-четыре человека, даже не сходя с места. При этом взгляд у него становился таким, что многие боялись одного этого взгляда.

Лишь однажды Камал не смог его защитит. К счастью, не смог!

Этот день запомнился ему на всю жизнь.

Было лето... ну да, лето 1869 года. Отец уже начал торговать в небольшой лавке в Гостином дворе. Зайни исполнилось восемь лет, и он крутился вокруг взрослых, стараясь, как мог, участвовать в семейном деле.

В тот день Камал, взяв лоток и сумку с папиросами, спичками и табаком, пошел торговать на площадь, и Зайнетдин, как обычно, увязался за братом. Он любил наблюдать за процессом со стороны: как подходили мужчины и женщины, как рассматривали разложенный товар, задавали Камалу вопросы, а тот с шутками, бойко и весело, отвечал. Мелочь ловким движением отправлялась в кожаный кошелек, висевший на боку.

Покупали в основном папиросы, но и нюхательный табак был в ходу. Порой, хихикая, стайкой окружали Камала студентки и гимназистки, вскладчину покупая тонкие папироски, чтобы неподалеку в скверике предаться модной забаве.

Когда к лотку долго никто не подходил, Камал чуть хрипловатым юношеским баском выкрикивал: «Не проходите мимо! Покупайте самые лучшие, самые модные папиросы фабрики «Саатчи и Мангуби»! Мужчинам – новая марка «Султан», прекрасным дамам легкие, как ветерок, папироски «Голубка». Только у нас самые низкие цены в городе!»

В тот день, походив у Гостиного двора, Камал пересек Кафедральную площадь и, обогнув собор, дошел до Богоявленской улицы. Зайнетдин семенил рядом. Завернув за угол, Камал вдруг снял с себя лоток и, оперев его на выступающий цоколь дома, сказал: «Постой, пожалуйста, здесь, только никуда не уходи! Я скоро! Минут десять!»

¹ Нынешние ул. Урицкого и Володарского.

Зайнетдин не стал задавать ненужных вопросов – он знал, что здесь неподалеку живет девчонка, которая нравилась брату. Когда выдавалось свободное время, они частенько ходили вдвоем к пруду. Зайнетдину это не очень нравилось, но он никогда не мешал Камалу и не набивался в попутчики. Ожидая брата, гордый оказанным ему доверием, Зайнетдин не сразу заметил приблизившегося со стороны улицы городского. Невысокий, с животиком и, в общем-то, ничем не примечательный служитель порядка показался маленькому Зайни грозным великаном. Шашка на поясе городского только усиливала это ощущение. Скользнув по мальчишке безразличным взглядом, «великан», взяв с лотка папиросу и обнюхав ее, двинулся дальше.

– Дяденька, а деньги? – будто очнувшись, пискнул Зайни, боясь опрокинуть лоток.

– Цыц, морда татарская, – будто сплюнул городской, продолжая движение.

И тогда, забыв о страхе, переполненный до краев обидой, Зайнетдин тоненько крикнул ему в спину:

– Сам ты морда!

Ошалевший от такой наглости городской, схватив Зайнетдина, придерживавшего лоток с товаром, за шиворот и, развернув, больно ударил сапогом под зад. Отряхнув с рукава невидимую пылинку, он не спеша продефилировал в сторону Кафедрального собора.

Вернувшийся минут через десять Камал застал младшего брата ползающим на коленках и собирающим разлетевшиеся в разные стороны папиросы и спички.

– Зайни, ну пойдём, покажешь мне его, упрашивал Камал, но он, напуганный и плачущий, хотел только одного – вернуться домой.

Дома, размазывая слезы по лицу, он в который уже раз рассказывал отцу, как это произошло.

– Ну и пусть бы он взял эту папиросу, Зайни! – который уже раз говорил отец.

– Но ведь он же не заплатил! – не понимая отца, плакал Зайнетдин.

– Если бы я увидел, я бы ему мозги вышиб! – горячась, кричал Камал.

– А тебе, вижу, Аллах совсем мозгов не дал! – едва сдерживая себя, рявкнул отец.

Никто из них не был наказан, но на завтра им обоим было запрещено выходить из дома. Ночью Зайни заметил, как мама гладит извлеченный из сундука отцовский мундир унтер-офицера. В нем отец вышел в отставку. Когда Зайни проснулся, отец уже был одет и собирался уходить.

Он был тогда еще молод, его отец – ему не было и сорока, и парадный мундир смотрелся на нем как влитой. На черном сукне золотом горели начищенные до блеска пуговицы с двуглавым орлом. Красная опушка кафтана, серебряные галуны на воротнике и обшлагах, два галуна на рукавах – привилегия сверхсрочнослужащего – красивее отца в этот момент он еще никого не видел!

На пристаивания Зайни: «Куда пошел отец?» – мать только отмахивалась и почему-то запретила расспрашивать отца.

Уже значительно позже, так и не решившись расспросить отца, он все-таки узнал от матери, что тот ходил в Городскую управу к самому градоначальнику. О чем там был разговор, осталось неизвестным, но только больше этого городского в районе Кафедральной площади он никогда не встречал...

Повлиял ли на него этот случай или то был характер, доставшийся ему по наследству, но ни в торговом деле, ни в общении с близкими или незнакомыми ему людьми, Зайнетдин никогда не рубил с плеча, предпочитая терпение и выдержку, которые кому-то могли даже показаться слабостью.

И никто не догадывался, что именно за резкость и решительность он так любил старшего брата.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

...Маленькая действительно нравилась Сергею Михайловичу.

Да что нравилась! Двадцатичетырехлетний Сергей влюбился в нее при первом же визите,

Матильда Кшесинская.

когда счастливый, впервые познавший женскую ласку Ники привез их с Сандро в особняк на Английском проспекте, чтобы познакомить со своей возлюбленной. Сергею нравилось в ней всё: миниатюрная точеная фигурка, живость, непосредственность и одновременно достоинство в общении и какой-то особенный лукавый взгляд. Как всякий влюбленный он не находил в ней ни одного изъяна!

Опасения Сергея Михайловича оказались напрасными – Маля, как бы ей ни было тяжело, смирилась с неизбежностью расставания с Ники и с благосклонностью отнеслась к Сергею.

Наверное, те летние дни были самыми счастливыми в его жизни! Маля сняла на лето скромную дачу в Стрельне, и влюбленный Сергей Михайлович использовал каждую свободную минуту для встреч с ней, благо, его собственное имение Михайловка находилось неподалеку. Они часто прогуливались по берегу Финского залива, изучили все закоулки большого парка, примыкающего к величественному Константиновскому дворцу.

В одной из таких прогулок они набрали на причудливый, украшенный башенкой деревянный особняк, расположенный на живописном участке, прилегающем к территории дворца. Участок производил впечатление неухоженного, и в доме явно никто не проживал.

– Какая прелесть! Если бы он был мой, я бы превратила его в свой дворец!

– Значит, он будет твоим! – Сергей ни минуты не сомневался, что сделает это для любимой.

Какое-то время ушло на выяснение информации о владельцах, согласование цены, составление купчей и прочим формальностям, и в апреле 1895 года Матильда Кшесинская стала обладательницей полюбившейся дачи. Сергея Михайловича не остановила непомерно высокая цена в двадцать пять тысяч рублей серебром за построенный три десятка лет назад и успевший обветшать особняк.

Прошло пару лет, и обновленную дачу злые и завистливые языки в Петербурге стали называть не иначе, как дворец Матильды Кшесинской. И в чем-то они были правы! Деревянный дачный особняк полностью преобразился.

Сergeй Михайлович построил рядом с домом небольшую электростанцию, которая обеспечила электричеством не только сам особняк и другие приусадебные постройки, но и чудесную иллюминацию, опоясывающую прилегающий сад. И, право, можно было понять зависть обитателей Константиновского дворца, всё еще вынужденных довольствоваться свечами и лампадами.

К построенной Сергеем Михайловичем железобетонной пристани на их участке, выходящем к берегу Финского залива, могли бы причаливать даже большие моторные катера!

На участке были разбиты цветники, а среди дачных построек разместились оранжерея и парники, ледник и маленькая ферма с коровой, ну и, конечно же, гараж на несколько автомобилей.

Здесь они, наконец, стали близки, и здесь Сергей Михайлович провел с Малей больше пяти, возможно, лучших лет своей жизни.

Ему было плевать на слухи и сплетни. Он жил с Малей открыто, ни от кого не скрывая

Великий князь Андрей Владимирович.

свое покровительство. Он, великий князь, был не женат, и мог себе это позволить, несмотря на косые взгляды. Впрочем, и косых взглядов ни он, ни Малечка не видели, иначе бы тем, кто посмел, явно не поздоровилось бы! Для нее он был готов на всё.

Ревновал ли он ее? Наверное, нет. Просто он привык, что его Малечка пользуется всеобщим обожанием, ведь она Прима-балерина императорских театров и обязана быть в центре внимания! Потому и не заметил, в какой момент обожание со стороны великого князя Андрея Владимировича, который был младше Малечки на семь (!) лет, стало взаимным!

Да и как он мог это заметить? Ведь он, тридцатидвухлетний полковник, не был привязан к юбке гражданской жены, а был на императорской службе, целиком посвятив себя «Ее Величеству Артиллерии»!

Как бы то ни было, весной 1902 года, когда скрывать беременность стало уже невозможно, Маля призналась ему, что ждет ребенка ...от Андрея! Наверное, большего удара от жизни ни до, ни после Сергей Михайлович не получал!

Роды были тяжелыми и проходили в их «гнездышке» в Стрельне. Врач честно заявил, что нужно готовиться к худшему, и Сергей Михайлович молился за нее, обещая всё простить, только бы она выжила. Всё, однако, завершилось благополучно: выжили и мать, и ребенок, которого Маля назвала Вовой в честь отца Андрея – великого князя Владимира Николаевича.

Думая о том, что произошло, Сергей Михайлович вновь и вновь задавал себе этот вопрос: имел ли он право осуждать или что-то требовать от Мали? В письмах он называл ее женой,

да и считал таковой, не ища отношений с другими женщинами. Но для всех остальных, а, может быть, и в ее собственном представлении, она оставалась всего лишь ... содержанкой! Так отчего же тогда он не женился на ней, ведь он любил ее?

Он прекрасно отдавал себе отчет, что в этом случае сразу стал бы в царском доме изгоем. Морганатические браки, мягко говоря, не приветствовались, и, если бы он взял в жены даже не балерину, а княжну или графиню, не принадлежащую ни к одному из монарших домов Европы, то непременно лишился бы великокняжеского содержания. А это как минимум 150 тысяч рублей в год! И что было для него не менее страшно, он был бы уволен со всех воинских должностей, лишившись возможности заниматься любимым делом – артиллерией.

Перед ним стоял зримый пример его старшего брата – великого князя Михаила Михайловича, которого в семье называли Миш-Миш. Несколько лет назад, находясь за границей, он без памяти влюбился в Софию Николаевну Меренберг – внучку гениального Александра Сергеевича Пушкина, унаследовавшую красоту своей бабушки Натальи Гончаровой, и, наплевав на все условности Августейшего семейства, женился на ней. Император Александр III был взбешен, и расплата последовала незамедлительно: Михаил был уволен со службы, лишен великокняжеского содержания. Даже въезд на территорию Российской Империи был ему теперь запрещен!

Мог ли он сам, великий князь Сергей Михайлович, поступить так же, как старший брат? Ответ был для него очевиден – нет! Да и одобрила ли бы такой шаг сама Маля, которая под

его покровительством привыкла ни в чем себе не отказывать. Вряд ли...

Но разве соперник его, великий князь Андрей Владимирович, сделал ей предложение? Нет! Напротив, он тщательно скрывал свою связь и отношение к Мале и их ребенку, опасаясь гнева своих родителей.

Тогда почему? Ответ напрашивался неутешительный: значит, она его действительно полюбила!

«Tant pis!» Для Сергея Михайловича это уже не имело никакого значения. Он не только не разлюбил Малю, но и полюбил маленького Вову как собственного сына, дав ему свое отчество. К ним обоим он продолжал относиться как к своей семье.

...Откинувшись в кресле с сигарой в руке, Сергей Михайлович наслаждался этим состоянием протрации. Тяжесть последних лет отступила куда-то совсем далеко, оставшись в прошлой жизни. Дорогие ему люди – Малечка и Вова – слава богу, далеко и в безопасности, а о себе ему думать не хотелось.

И не то чтобы будущее было ему совсем безразлично, просто он уже не видел себя в нем!

И уже не верил в то, что в России, отравленной большевистским ядом, может что-то измениться к лучшему. Разве что победят немцы и наведут порядок – немецкий Ordnung – разогнав всю эту мерзкую шантрапу, почувствовавшую себя властью. Ей богу, он был бы рад этому! Но и в это уже не верилось.

Если и хотелось чего-нибудь, так это, конечно, несбыточного, наивного! Например, жить в Ницце, совершать променады на набережной и, любясь заходящим солнцем, курить сигару!

Он жил сегодняшним днем, довольствуясь тем, что есть, и не загадывая, что будет завтра. Он знал, что совсем недалеко от его временного пристанища у Аничкова, в доме инженера Ипатьева, окруженном высоким забором, содержится под арестом друг его детства, двоюродный племянник Ники – ныне уже не Император Всероссийский, а просто гражданин Романов с семьей. Но никакого желания увидеться, даже если бы это было возможным, у него не возникало! Так же, как не было желания видеть кого-либо из прежнего монаршего окружения.

Зато с большим интересом и вовсе не злой внутренней иронией он отнесся к посетителям квартиры Аничкова, приходившим в эти майские пасхальные дни, чтобы засвидетельствовать свое почтение, а то и просто поглазеть на живого великого князя.

Больше всего Сергея Михайловича тронул визит Ильи Ивановича Симанова! Когда-то, более тридцати лет назад, будучи еще безусым юнкером, Сергей был взят его отцом, великим князем Михаилом Николаевичем, бывшим тогда Председателем Государственного Совета, в поездку по уральским городам и заводам.

В Екатеринбурге их принимал именно он, тогдашний Городской Голова Илья Симанов, запомнившийся им своей жизнерадостностью и непоказной деловой активностью.

Они проговорили очень долго, вспоминая минувшие года, и находившийся уже в преклонных годах Симанов, расчувствовавшись, заплакал...

И все-таки были обстоятельства, которые мешали Сергею Михайловичу безразлично относиться к происходящему.

Вместе с ним в Вятку, а затем в Екатеринбург были высланы молодые князья – сыновья его двоюродного брата великого князя Константина Константиновича: Иоанн с супругой Еленой, Константин и Игорь. Они еще так молоды: старшему, Иоанну, – тридцать два, а младшему Игорю нет и двадцати четырех. Им бы жить и жить! Но что их ждет в это страшное время? А всего пару дней назад из Москвы в Екатеринбург привезли и поселили в атамановских номерах рядом с князьями Константиновичами великую княгиню Елизавету Федоровну. Вчера он встретился с ней, и она рассказала, что отряд латышей, возглавляемых каким-то чекистом, арестовал ее прямо в ее покоях в Марфо-Мариинской обители, после чего, не объяснив причин, ее отправили сначала в Пермь, а оттуда на следующий день в Екатеринбург. Вместе с ней разрешили отправиться и двум сестрам-келейницам.

В отличие от императрицы Александры Федоровны, супруги Ники, которую Сергей Михайлович терпеть не мог, зная, впрочем, что она к нему испытывает похожие чувства, перед ее старшей сестрой Елизаветой он испытывал настоящее благоговение. Будучи женой московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, она по праву считалась одной из самых красивых женщин царского дома.

Смерть мужа от руки террориста Ивана Каляева в 1905 году полностью перевернула жизнь светской красавицы. Вернее сказать, она сама ее полностью изменила.

Немалые семейные драгоценности – ее ювелирная коллекция, к примеру, считалась одной из богатейших в Европе – она разделила на три части, одну из которых внесла в государственную казну, другая была предназначена для подарков близким. Ну и, наконец, на третью часть – вырученные от продажи принадлежавших ей драгоценностей и коллекции картин деньги – великая княгиня купила на Большой Ордынке усадьбу с четырьмя домами и обширным садом. Здесь расположилась основанная ею Марфо-Мариинская Обитель Милосердия.

Это не был монастырь в прямом смысле слова: ни сама великая княгиня, ни крестовые сестры не принимали монашеский постриг. Предназначением Обители и ее настоятельницы, великой княгини стало подвижничество и служение людям, в первую очередь, неимущим.

При Обители была создана больница на 22 койки, отличная амбулатория, аптека (в которой часть лекарств выдавалось бесплатно), детский

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

приют, бесплатная столовая и еще множество учреждений.

Сама Елизавета Федоровна, как и сестры Обители, ночами ухаживала за больными, а днем зачастую обходила беднейшие кварталы, не боясь посещать даже криминальную Хитровка, вызволяя оттуда малолетних детей.

«Какую опасность для власти этих большевистских вырожденков могла представлять находящаяся уже в преклонных годах святая женщина?» – возмущался Сергей Михайлович...

Однако ближе всего для Сергея Михайловича оказалась судьба самого молодого из высланных князей – Владимира Палея, и он старался, как мог, опекать его и всячески поддерживать в этой ссылке.

Быть может, глядя на него, он видел себя в двадцать один год – такого же чуть наивного, доверчиво открытого миру? А может быть, на него он перенес свою симпатию и дружеское отношение, которое испытывал к его отцу, великому князю Павлу Александровичу?

Тот ради своей любви к «невысокородной» Ольге Валерьяновне Пистолькорс не побоялся бросить вызов условностям царского двора и, потеряв все великокняжеские привилегии, покинул Россию. В этой вынужденной эмиграции во Франции и родился Володя.

Позже, правда, Ники сменил гнев на милость и признал этот брак, а значительно позднее, уже после начала Великой войны, пожаловал жене Павла Александровича княжеское достоинство и фамилию Палей – так называлось одно из крупных имений великого князя. И юный Володя стал князем Палеем.

В царском цоуме все знали о поэтическом даре Владимира, и сам великий князь Константин Константинович, признанный поэт Дома Романовых, драматург и переводчик, печатавшийся под псевдонимом «К.Р.», с восторгом признал его талант, предрекая ему большое поэтическое будущее!

Сергей Михайлович еще в Петрограде, раскрыв наугад недавно изданный небольшим тиражом первый сборник стихотворений молодого поэта, прочитал:

«Ты маркизой нарядилась
В белоснежном парике,
С черной мушкой на щеке.
Ты маркизой нарядилась,
Я припал к твоей руке».

И разочарованный, захлопнул его. «Как это ничтожно и как далеко от действительности и ...от настоящей поэзии!» – огорченно подумал он.

Нет, конечно же, он был неправ!

В Вятке, куда он с князьями был в прошлом месяце выслан, они много общались с Володей, и Сергей Михайлович, внимательнее знакомясь с его стихами, изменил свое мнение.

«Ты весною окровавлена,
Но рыдать тебе нельзя:
Посмотри – кругом отравлена
Кровью черною земля!

Силы вражды снова прибыли,
Не колеблет их война.
Ты идешь к своей гибели,
Горемычная страна!»

А в последних стихах, написанных Володей в Вятке, Сергей Михайлович будто бы окунулся в хрупкий мир юноши, охваченный холодными, мрачными предчувствиями.

«Немая ночь жутка... Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна страданья.
Далеких, милых, прожитых минут
Нахлынули в нее воспоминания...

.....
За что! За что! Мысль рвется из души –
Вся эта пытка нравственных страданий,
Тяжелых ежечасных ожиданий,
Убийств, грозящих каждый миг в тиши.

Мысль узника в мольбе уносит высоко –
То, что растет кругом – так мрачно и так низко.
Родные-близкие так страшно далеко,
А недруги так жутко близко...»

Князь Владимир Палей.

«Большое поэтическое будущее!2 – вспомнились ему слова «К.Р.»

«Да будет ли вообще у этого юноши будущее!» – с горечью думал Сергей Михайлович.

Наивный и благородный мальчик! Перед ссылкой из Петрограда его вызвали на Горюховую, 2, где сам председатель Петроградской ЧК Моисей Урицкий предложил ему сделать письменное заявление о том, что он не считает себя представителем Дома Романовых.

– Послушайте, милый юноша! Вы же – Палей, а не Романов. Зачем вам взваливать на плечи груз преступлений Романовых за триста лет их насилия над народом. К тому же, если я не ошибаюсь, вы – поэт! Ну так и пишите стихи!

– Но я – внук императора Александра II и ...горжусь этим! – сказал тогда Володя.

Вольно или невольно, но своим отказом он подписал себе приговор, решив разделить участь остальных Романовых.

Так случилось, что, как и у Сергея Михайловича, у Владимира Палея тоже подходили к концу деньги, и великий князь попросил Аничкова найти кого-то, кто мог бы ссудить молодому князю тысяч пять рублей.

– Да ведь надо будет возвращать ссуду! Как? Когда? И можно ли сейчас что-нибудь планировать? – заволновался Владимир, сомневаясь в успехе предприятия.

– Друг мой, доверьтесь мне. Думайте лучше о чем-нибудь более приятном! – с легкой долей цинизма ответил великий князь.

В итоге Аничкову всё же удалось договориться о ссуде с Зайнетдином Агафуровым, и тот обещал к вечеру заехать к ним на Фетисовскую...

...Сигара в руке Сергея Михайловича давно погасла, когда в комнату вошел радостный Ремез.

– Что это ты, мой друг, прямо как самовар сияешь?

Вместо ответа Ремез протянул великому князю небольшую коробку.

– Не может быть! Да это же настоящие «La Habanera»! Такие нынче и в Петрограде не сыщешь! Откуда они у тебя?

– Представляете, Сергей Михайлович! Был тут на Успенской, дай, думаю, зайду в магазин братьев Агафуровых. Вдруг махорка какая-никакая завалилась. И что вы думаете? В этот момент там находился...

Ремез вытащил из кармана визитку и прочел: «Садритдин Камалетдинов Агафуров».

– Он представился одним из распорядителей Торгового дома «Братья Агафуровы», узнал, от кого я, и достал откуда-то из закровов эти кубинские сигары. Передал вам в подарок!

– Ну, спасибо! Удружил Федор Семенович! Надо бы обязательно поблагодарить Агафурова. Да ведь у нас сегодня и будет такая возможность! Надеюсь, ты не забыл, что вечером встреча с главным рас-

порядителем Торгового дома, по-моему, Зайнетдином? Не забудь, пожалуйста, подготовить расписку, как полагается.

– Да, разумеется, я помню!

– Постой, забыл у тебя спросить, а махорка-то нашлась?

– Нет, Сергей Михайлович! Сказали, что всю махорку «товарищи» реквизируют.

ЗАЙНЕТДИН

...Пролетку трянуло на повороте. «Надо бы уж заменить рессоры!», – подумал Зайнетдин. В хозяйстве осталось только три коляски, и эта была еще самая крепкая.

Он и не заметил, как они, проехав Большую Съезжую¹, повернули на Фетисовскую. Уже подъезжая, Зайнетдин обратил внимание на двух солдат с винтовками на противоположной стороне улицы. Они курили и, о чем-то переговариваясь, посматривали в сторону дома, куда торопился Зайнетдин. Причудливое кирпичное здание на высоком цоколе с правым крылом-башенкой выглядело очень добротным.

Отпустив кучера и велел ему подъехать через пару часов, Зайнетдин прошел к дому. На пороге его встретила хорошо знакомая ему Мария Пе-

ул. 9 января, д.15

Дом № 15 на Фетисовской, где произошла встреча Зайнетдина Агафурова с великим князем Сергеем Михайловичем.

¹ Нынешняя ул. Антона Валека.

тровна – жена Аничкова, невысокая худенькая женщина с приветливым лицом.

– Вы заметили, похоже, за вами слезка! – как можно тише, взволнованно произнес Зайнетдин.

– Да мы уж привыкли! Это за великим князем присматривают. Пойдемте, я вас познакомлю!

Высокий, грузноватый, но не толстый, ростом под два метра, с высоким лбом и почти полным отсутствием волос на голове, Сергей Михайлович произвел сильное, хотя и не очень приятное впечатление на Зайнетдина! Виной тому стал несколько высокомерный, как показалось Зайнетдину, а может быть просто настороженный взгляд князя.

Он и сам чувствовал себя не в своей тарелке, с трудом справляясь с внутренним напряжением. Как жаль, что отсутствует Владимир Петрович, уехавший по делам. Он наверняка, с присущим ему чувством юмора и легкостью в общении, смог бы разрядить обстановку.

Совсем другое впечатление произвел молодой князь Владимир Палей. Тоже высокий, с тонкими чертами лица, с открытым, даже несколько наивным взглядом, он сразу же вызвал симпатию Зайнетдина. В каком-то коротком, не по росту, пиджачке, он выглядел гимназистом. «Хорошо, что деньги предназначены ему, а не Сергею Михайловичу», – поймал себя на мысли Зайнетдин.

Познакомившись со всеми, включая секретаря великого князя Ремеза, и дежурно справившись у супруги Владимира Петровича об ее здоровье, Зайнетдин снова почувствовал затянувшуюся неловкость. Выручила, наконец, Мария Петровна, пригласив всех к столу.

За столом общее напряже-

ние постепенно отступило. А когда хозяйка поставила на стол графинчик раздобытой где-то хинной водки, обстановка и вовсе раскрепостилась. Зайнетдин не пил – он вообще никогда не пил – но с удовольствием принял это общее расслабление.

Великий князь задавал Зайнетдину вопросы: как ведется торговля в нынешних условиях и видит ли он перспективы торговли при большевиках? Видно было, что он делает это не из вежливости, а действительно, интересуется всерьез, и Зайнетдин старался отвечать серьезно, хотя отвечать-то, по существу, было нечего.

Раздобрев от водки, много говорил и шутил Владимир Палей, и Сергей Михайлович с едва заметной легкой укоризной порой поглядывал на молодого князя. А тот, воодушевленный общей доброжелательной атмосферой, сел за рояль и стал исполнять романс «В голубой далекой спальне», пытаясь, комично грассируя, подражать Вертинскому, вызвав при этом аплодисменты собравшихся.

Время шло, и Зайнетдин украдкой, как ему казалось, посмотрел на карманные часы. Но это движение не осталось без внимания великого князя. «Да- да, господа, к делу!» – воскликнул он.

Поблагодарив Марию Петровну за хлебосольство, Зайнетдин, Палей и Сергей Михайлович направились в комнату великого князя. Там, сидя за столом, уже корпел над долговой распиской постоянный спутник и секретарь великого князя Федор Семенович Ремез. Что-то, видимо, у него не складывалось – рядом валялись два скомканных листа.

«А что, – не без ехидства подумал Зайнетдин, – видно, не приходилось еще великим кня-

зьям брать в долг у простого купца!»

«Я, князь Владимир Павлович Палей...» – выводил каллиграфически Ремез и, дойдя до соответствующего места в тексте документа, повернулся к Зайнетдину:

– Простите, как правильно: купец 1-й или 2-й гильдии?

– Гражданин Агафуров Зайнетдин Хисаметдинович! – подавляя в себе внезапно возникшее раздражение, сухо сказал Зайнетдин.

Ожидаемая заминка возникла и когда стало необходимо письменно закрепить условие и сроки возврата беспроцентной денежной ссуды.

– Напишите: по мере возникающей возможности! – с едва скрытой издевкой, сказал Зайнетдин.

Словно почувствовав это, подал свой голос и Сергей Михайлович:

– Быть может, добавить в текст мое поручительство?

– В этом нет никакой надобности, – так же сухо возразил Зайнетдин, – как, впрочем, нет надобности и в самой расписке. Мне достаточно ручательства Владимира Петровича Аничкова, поэтому я и здесь.

Внезапно ему стало неловко за себя и даже жалко этих людей, пытающихся всеми силами сохранить достоинство в этой непривычной и унижительной для них ситуации...

Наконец все формальности были завершены, и, выложив сверток с деньгами, Зайнетдин, попросившись со всеми, вышел из дома. Смеркалось. Кучер ждал его, а огоньки сигарок на противоположной стороне улицы говорили, что наблюдение за домом продолжается.

В свете редких тусклых фонарей роились снежинки, подхваченные ветром. Уже на

подъезде к своему дому Зайнетдин вынул из кармана долговую расписку, развернул ее, задержал на секунду взгляд на закрученной вензелями подписи Владимира Палея и, свернув, ...решительно разорвал на мелкие кусочки.

Поднятые ветром они разлетелись, смешиваясь со снежной крупой и исчезая из вида...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Трагические события, последовавшие за описанной встречей, показали, что ни великому князю Сергею Михайловичу, ни князю Палею не суждено было не только возвратить взятые в долг деньги, но и в полной мере ими воспользоваться...

19 мая все ссыльные Романовы с прислугой по решению Уралсовета были отправлены железной дорогой под конвоем в Алапаевск – городок в полутора километрах от Екатеринбурга, где так же жестко и жестоко хозяйничали большевики.

А еще через неделю был арестован Зайнетдин Агафуров, и наряду с некоторыми другими известными в городе людьми – купцами, общественными деятелями – в качестве заложника помещен в городскую тюрьму.

Стало известно, что 25 мая в Челябинске вспыхнул чехословацкий мятеж, и большие массы хорошо вооруженных и организованных частей двигаются в сторону Екатеринбурга, уничтожая на местах власть большевиков.

Эта опасность для большевистской власти Урала была страшнее набегов атамана Дутова, и взятие заложников должно было посеять страх, чтобы не допустить внутреннее сопротивление на подконтрольной территории.

Зайнетдин повезло. Благодаря заступничеству мусульманской общины города, он был освобожден, и через три недели смог вернуться домой. Вернуться, чтобы похоронить свою любимую Асму. Волнения последних месяцев сказались на ее слабом сердце...

А уже через месяц 25 июля в город, оставленный сбежавшими большевиками, вступили чехословацкие части под командованием полковника Войцеховского...

Оставалась неизвестной судьба Романовых, вывезенных в Алапаевск. Сюда воинскими частям Сибирской Народной Армии удалось войти лишь через два месяца после освобождения Екатеринбурга!

Местом для временного штаба военных была выбрана Напольная школа. Сюда и поспешили жители освобожденного городка, чтобы сообщить военным, что именно здесь содержались члены дома Романовых до момента их исчезновения более двух месяцев назад. Эта ошеломляющая новость была передана по инстанциям, и уже через несколько дней начались поиски.

Слухи, которыми жители Алапаевска шепотом делились друг с другом о том, что князья вовсе не были кем-то похищены, как об этом заявляли местные большевики, а были убиты самими большевиками и сброшены в какую-то шахту, давно уже ходили по городку. В этом направлении и стали вестись поиски.

Самые страшные предположения вскоре подтвердились.

Из расположенной в 12 верстах от города заброшенной шахты Межевая с 8 по 11 октября были извлечены трупы всех членов дома Романовых, а также сестры-келейницы Варвары Яковлевой и Федора Ремеза.

Среди многочисленных мелких вещей и документов, найденных в карманах одежды, а также выпавших и найденных отдельно от них на дне шахты были скрупулезно запротоколированы и следующие:

• «расписка от 20 Июня 1918 г. в принятии от князя Палея 3470 руб. на хранение» – как видно, Владимир не успел потратить и трети суммы, взятой в долг у Зайнетдина Агафурова;

• «визитная карточка с надписью: «Садритдин Камалетдинов Агафуров»;

• «медальон самородкового золота с драгоценным камнем зеленого цвета, внутри которого – на правой стороне надпись: «Маля 21 Августа, 25 Сентября», головка портрета, а на левой вложена серебряная 10 коп. монета 1869 г.» – пройдя полсвета, этот медальон, в итоге, вернется к той, кто когда-то подарил его в знак любви Сергею Михайловичу – Матильде Кшесинской – и будет с ней до самой ее смерти в 1971 году в Париже в возрасте 99 лет.

Следствие, проведенное по горячим следам, и документы рассекреченных архивов, ставшие известными значительно позднее, позволяют представить достаточно полно картину последних недель и минут жизни Алапаевских мучеников...

Прибыв 20 мая 1918 года в Алапаевск, все они были размещены в Земской начальной школе, называемой местными жителями Напольной.

Здесь они провели целый месяц, хоть и под охраной, размещенной в одной из комнат той же школы, но всё же в относительно свободном режиме. Великая княгиня и князья могли посещать богослужения в храме Святой Мученицы Екатерины, а Владимир Палей

проводил всё время в библиотеке. Находясь последние месяцы под впечатлением от жизни и судьбы великого Лермонтова, он еще в Вятке задумал написать о нем поэтическую драму.

Всё изменилось 20 июня. По прямому указанию областной власти, узникам объявили о переводе их на тюремный режим. У них были изъяты все деньги и большая часть личных вещей. И хотя возмущенный Сергей Михайлович потребовал от имени всех Романовых послать телеграмму с протестом в Облсовет, это ничего не изменило – адский план по физическому уничтожению всех членов царского дома уже набирал обороты.

К этому времени в Алапаевске их оставалось шестеро: великий князь Сергей Михайлович, князь Владимир Палей, трое князей императорской крови – братьев Константиновичей и великая княжна Елизавета Федоровна. Жене старшего из Константиновичей Иоанна Елене было разрешено вернуться в Екатеринбург, чтобы там, в случае получения соответствующего разрешения, навестить маленьких детей, оставленных ею в Петрограде. Этот путь, растянувшийся на несколько месяцев, оказался для нее весьма драматичным, но, в итоге, так или иначе, спас ей жизнь.

Ну и конечно, рядом с узниками оставались «верный оруженосец» Федор Ремез и помощница Елизаветы Федоровны крестовая сестра Варвара Яковлева.

В ночь с 16 на 17 июля екатеринбургскими большевиками в доме Ипатьева была полностью уничтожена царская семья. Это стало сигналом для большевиков в Алапаевске.

Уже через день, в ночь с 17 на 18 июля, большая группа

большевиков из местных органов власти прибыла в Напольную школу. Романовым еще днем объявили, что их в целях их же безопасности перевозят в населенный пункт Верхняя Синячиха и приказали быстро собраться, оставив все личные вещи. Каждого из узников поместили в отдельную повозку, и под покровом темноты вереница повозок двинулась в ставший последним для них путь. Не доезжая до пункта назначения, повозки были остановлены с объяснением, что впереди взорван мост и дальше придется идти пешком.

Каждого из узников по очереди, предварительно завязав глаза, вели по тропинке к находящейся в нескольких десятках метров от дороги заброшенной, но предварительно открытой шахте, где их уже ждали приехавшие заранее большевистские палачи. Некто Серёдкин – Председатель Верхне-Синячихинского совдепа, бывший кузнец-молотобоец – наносил сокрушительный удар обухом топора в затылочно-височную часть головы, а затем добивал упавшую жертву двумя-тремя ударами в область сердца. Бездыханное тело сбрасывалось в шахту, а палач поджидал новую жертву. (Позже в числе поднятых со дна шахты предметов был перечислен и «широкий топор с коротким топорщиком»).

Так все семеро узников приняли страшную смерть, и только Сергей Михайлович ушел из жизни не так, как остальные. Видимо, поняв, что происходит, он, сбросив с глаз повязку, набросился на того, кто был ближе и, в попытке сбросить его в шахту, оторвал тому полу пиджака. Выстрел в затылок оборвал его жизнь.

В сухих строках протокола осмотра тела великого князя после извлечения из шахты есть примечательная, о многом говорящая фраза: «... Пальцы правой руки сильно сжаты в кулак, ногти впились в ладонь...»

Так закончилась земная жизнь членов царского дома, волею судьбы оказавшихся в Алапаевске. Судьба их останков, однако, сложилась весьма драматически...

1 ноября 1918 года останки Алапаевских мучеников в запаянных металлических гробах, вложенных в деревянные, были помещены в склеп Свято-Троицкого собора, после чего вход был наглухо замурован.

Через полгода обстановка на фронтах стала меняться в пользу Красной армии, и к июлю 1919 года необходимость сдачи Алапаевска стала для белых очевидной. Очевидным было и то, что, если бы останки зверски убитых членов дома Романовых попали в руки большевиков, то непременно подверглись бы надругательствам.

Допустить такое было невозможно, и 14 июля товарный вагон с извлеченными из склепа гробами Алапаевских мучеников отправился в долгий путь с отступающими на восток белыми частями. «Груз особой важности» сопровождал в пути игумен отец Серафим, назначенный для этих целей Верховным Правителем адмиралом Колчаком.

Через полтора месяца вагон достиг Читы, где при содействии атамана Семенова «груз» был тайно захоронен на территории Читинского Покровского женского монастыря. Однако фронт постепенно приближался и сюда, и через полгода, 5 марта 1920 года, восемь гробов продолжили свой

скорбный путь. Теперь уже по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) с направлением на Пекин.

В Хайларе спецвагон подвергся нападению местных бандитов – хунхузов, решивших, что в гробах перевозится золото. Но благодаря помощи китайских солдат был отбит и под их охраной достиг Харбина...

...Пройдет еще три года, и в этот город судьба приведет и Зайнетдина Хисаметдиновича Агафурова, который вместе с семьей и другими братьями с их семьями покинет занятый красными Екатеринбург и окажется в эмиграции в Китае...

...А тогда, к середине апреля 1920 года, вагон с «грузом особой важности» достиг Пекина.

Закон, действовавший в Китае, не позволял осуществлять внос мертвых тел в черту города, и гробы Алапаевских мучеников были помещены в один из склепов храма Серафима Саровского на территории кладбища Русской Духовной Миссии, находившемся в полутора верстах от городской стены. При этом гроб с прахом Федора Ремеза был захоронен отдельно в могиле у стены храма.

Узнав, что останки великой княгини Елизаветы Федоровны спасены и доставлены в Пекин, принцесса Виктория Маунтбеттен, старшая сестра Елизаветы Федоровны и императрицы Александры Федоровны, жившая в Великобритании, инициировала перевоз останков сестры и ее помощницы Варвары Яковлевой в Иерусалим. В этом долгом морском пути останки сопровождал всё тот же игумен Серафим.

Местом окончательного упокоения великой княгини Елизаветы Федоровны и крестовой

сестры Варвары Яковлевой стал православный храм Святой Марии Магдалины в Гефсимании.

А злключения останков князей на этом, увы, не закончились...

По различным свидетельствам, хотя и не всегда достоверным, останки неоднократно переносились. Так, в 1938 году, с началом оккупации территорий Китая Японией, они были перенесены с удаленного кладбища непосредственно на территорию Русской Духовной Миссии, в храм Святых Мучеников, а в 1947 году, уже при коммунистическом Китае, вновь тайно перезахоронены под полом придела Симона Зилота в храме Святых Мучеников, покрытые многослойно зацементированными плитами.

В 1955 году Русская Духовная Миссия в Китае была закрыта, а весь ее комплекс с земельным участком передан посольству Советского Союза.

Прямые потомки вандалов из семнадцатого года, новые хозяева намоленных территорий в течение нескольких лет уничтожили все храмовые постройки на занятых площадях, выстроив новые здания под нужды посольства.

Что же касается кладбища миссии, на территории которого были первоначально захоронены останки Алапаевских мучеников, то в период с 1966 по 1976 год оно подверглось разрушениям и надругательствам со стороны печально известных хунвэйбинов, а в 1987 году, при абсолютном безразличии и попустительстве посольства СССР, было попросту стерто с лица земли.

Сейчас на этой территории городскими властями разбит так называемый парк Озера молодежи («Цинняньху»), примерно треть которого занимает

искусственный водоем – довольно популярное место у пекинцев. И над останками всех захороненных здесь за долгие годы кипит праздная жизнь китайского муравейника...

...Что-то общее мне видится и в судьбе другого персонажа этой печальной истории. В тысяче километрах от Пекина, в китайском Харбине 19 июня 1924 года закончился земной путь моего прадеда Зайнетдина Хисаметдиновича Агафурова. На его могиле сыновья установили красивый памятник, увенчанный полумесяцем.

В 1980-х годах кладбище было стерто с лица земли, а на его месте разбит парк...

ПОСТСКРИПТУМ

• 1 ноября 1981 года Алапаевские мученики (исключая Ф.М.Ремеза) были канонизированы Русской православной церковью за границей.

• 8 июня 2009 года Генеральная прокуратура приняла решение о реабилитации членов семьи Романовых и их близких лиц.

• В 2016 году в бывшем доме Камалетдина Агафурова в Екатеринбурге открыт филиал Областного краеведческого музея под названием Музейный клуб «Дом Агафуровых».

• 22 февраля 2018 года администрацией Екатеринбурга было подписано постановление о присвоении участку территории, прилегающей к сохранившимся домам братьев Агафуровых, наименования «Сквер имени купцов Агафуровых».

НАХОДКИ В УНИВЕРМАГЕ АГАФУРОВЫХ

ИЗ ИСТОРИИ ЗДАНИЯ:
ОТ ДОХОДНОГО ДОМА ДО КРЕАТИВНОГО КЛАСТЕРА

А.В.ЕРМОЛЕНКО,
историк, преподаватель УрФУ

Улица Вайнера (до 1919 года – Успенская) – одна из старейших улиц Екатеринбурга, возникшая еще в первой половине XVIII века вдоль западной крепостной стены города. В XVIII веке улица носила стихийно возникшие названия «Лягушка», «Косая» и «Косой порядок». В начале XIX века, после учреждения Ново-Тихвинского женского монастыря и перестройки размещенной там церкви Успения Пресвятой Богородицы, улица стала называться Успенской, так как выходила прямо на этот храм.

Располагающийся по современному адресу Вайнера, 16, двухэтажный дом – образец крупного торгового сооружения Екатеринбурга конца XIX – начала XX века. Фасадная композиция выполнена в так называемом «кирпичном» стиле. Наиболее известным здесь был «Розничный магазин братьев Агафуровых», занимавший основную часть двухэтажного здания. Причем здесь размещалась и контора торгового дома «Братья Агафуровы», и его торговые площади. Агафуровский универмаг, открывшийся в последней четверти XIX века, стал одним из первых универсальных магазинов в Российской империи за пределами Москвы.

В 1919 году улица Успенская была переименована в Вайнера, в честь екатеринбургского революционера и участника Гражданской войны Леонида

Вайнера, работавшего до революции в одной из контор на этой улице. Семья Агафуровых покинула Екатеринбург вместе с отступавшими колчаковскими войсками в 1919 году, а универмаг был разграблен бандами. В здании бывшего доходного дома Дмитриевых размещалась красноармейская часть, с середины 1920-х годов, в период НЭПа – магазин Свердловского центрального рабочего кооператива (Церабкоп). В начале 1930-х годов на Вайнера, 16, разместилось Уральское отделение Государственного издательства РСФСР – УралОГИЗ и другие советские учреждения (Горпромторг, Горпищеторг, Горгаз, Свердловскодежда и прочие), со второй половины XX века – крупнейший в Свердловске магазин игрушек и детских товаров «Детский мир». В 2000-е годы помещение снимали различные мелкие арендаторы, последние 10 лет большая часть второго этажа здания была заброшена.

В декабре 2021 года подписано трехстороннее соглашение между губернатором Свердловской области Евгением Куйвашевым, главой Екатеринбурга Алексеем Орловым и директором Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства Валерием Пиличевым. Пространство второго этажа было передано в управление СОФПП, который после ремонта и приспособления под современные

нужды в мае 2022 года открыл на Вайнера, 16, креативный кластер, получивший в результате проведенного среди горожан конкурса название «Домна» (правое крыло – 1 054 кв. метра). В 2023 году состоялось поэтапное открытие левого крыла «Домны»: вторая очередь (около 400 кв. метров) открылась в марте 2023 года, третья (около 350 кв. метров) – в августе 2023. Открытие завершающей очереди состоялось в июле 2024 года. Обследование пространства по мере производства ремонтных работ проводилось автором в период с февраля 2022 по март 2024 года.

НАХОДКИ В ЗДАНИИ: КЛАССИФИКАЦИЯ

Артефакты, найденные в ходе ремонта интерьеров и приспособления здания под нужды креативного кластера, отражают практически все этапы его жизни. Предметы и документы, преимущественно, обнаруживались под обветшавшими половыми досками, которые были демонтированы в процессе ремонта.

Находки, связанные с различными этапами жизни здания, накопились там, в основном, двумя путями:

1. Попали вместе с земляной утепляющей засыпкой пола во время строительства здания (землю брали тут же, рядом со стройкой: соответствующий городской мусор и был в этой земле), а также строительные элементы: кованые дверные петли, кирпичи с клеймом производителя «Завода И.Густомесова» и другое;

2. Были утеряны, или являются мусором, на протяжении конца XIX – начала XX века накопившимся на полу и под ним (через щели, во время ре-

монта с демонтажем перекрытий и т.д.)

Обнаруженные в здании находки характеризуют все исторические эпохи, которые прошло здание на улице Успенской (Вайнера), 16, вместе с городом и страной:

- дореволюционные артефакты: городской мусор из земляной засыпки во время строительства: кости животных, гончарная керамика, фаянс, осколки стеклянной посуды, плотницкие гвозди, монеты, обрывки газет, этикетки и т.д. Особняком в этом комплексе находок стоят предметы, связанные с работой торгового дома братьев Агафуровых, на них мы остановимся отдельно.

- находки времен Гражданской войны (1918–1919): представлены гильзами и пулями калибра 7,62 от винтовки Мосина, обрывками наставления по стрелковому делу, упаковками от махорки, тряпичным кисетом.

- находки межвоенного периода: делопроизводственные документы советских контор, папиросные гильзы, этикетки, бланки членов кооператива (Свердловский центральный рабочий кооператив), монеты, металлическая табличка «приём коопуполномоченных» и т.д.

- артефакты времен Великой Отечественной. К ним, в первую очередь, относятся делопроизводственные документы советских контор, работавших тут в годы войны: Горпромторг и Горпищеторг. Обнаружено большое количество фрагментов заборных книжек и продуктовых карточек, на некоторых из них сохранились фамилии владельцев. С периодом военных времен связан еще один грустный артефакт: история болезни ребенка – судя по нему, в здании короткое время размещалась

детская поликлиника, так как профильные медучреждения были задействованы под нужды фронта.

- предметы послевоенного советского «конторского быта». Находки представлены очень обширным комплексом артефактов, связанных с городскими учреждениями: Свердловский горплодоовощторг, Свердловпищеторг, Горгаз, Свердловскодежда и другие. Это, преимущественно, фрагменты (иногда – целые) делопроизводственных документов, этикетки продукции, фантики конфет, папиросные пачки и спичечные коробки, билеты общественного транспорта, монеты, карандаши и прочее. В этом комплексе находок обращает на себя внимание обнаруженный фанерный ящик с документами сотрудников Свердловского Горпромторга. Выброшенные в начале 2000-х годов, очевидно, нерадивым сотрудником отдела кадров, более 50 различных удостоверений 1940-х – 1990-х годов: трудовые книжки, аттестаты, дипломы о среднем образовании, свидетельства о переподготовке, документы к наградам (медали и почетные знаки) и т.д.

СОВРЕМЕННОКИ БРАТЬЕВ АГАФУРОВЫХ

Очень большой комплекс находок, обнаруженных при реконструкции здания на Вайнера, 16, связаны с историей торгового дома «Братья Агафуровы». Не менее 200 артефактов – фрагменты документов и различные предметы – относятся к деятельности и универсама, и конторы торгового дома. Документы преимущественно датируются периодом последнего десятилетия XIX – первого десятилетия XX веков.

В частности, обнаружено более десятка заполненных и пустых ордеров торгового дома «Братья Агафуровы», благодаря которым мы сегодня получаем представление об организационной структуре конторы торгового дома. На ордерах указаны различные отделения – например, галантерейно-мощательное и табачно-бакалейное. Документы содержат надписи, нанесенные карандашом и тушью, а также подписи конторщиков. Также примечательно, что в Екатеринбурге были обнаружены фрагменты бланков отделений торгового дома «Братья Агафуровы» из других городов – Тюмени и Перми.

О сложных логистических связях торгового дома свидетельствуют обнаруженные фрагменты расписания паровой линии «Владивосток – Одесса» и фрагменты железнодорожного расписания с движением поездов по ветке Вятка – Котлас, а также фрагмент полиса страхования груза.

С деятельностью торгового дома также напрямую связаны фрагменты рекламных афиш и преискурантов на различные товары: патефонные пластинки, посуду, кухонную утварь и т.д. Одна рекламная афиша была обнаружена практически в целом виде, несмотря на свой большой размер – приблизительно 50x30 см. Это афиша благотворительной лотереи Екатеринбургского комитета Российского общества Красного креста. Судя по всему, это была лотерея 1905 года в пользу раненых на русско-японской войне с призовым фондом в 15000 рублей, билеты которой продавались в том числе в универмаге Агафуровых. К слову, братья Агафуровы, как и многие другие дореволюци-

онные екатеринбургские предприниматели, направляли на различные благотворительные цели через Екатеринбургское отделение Красного Креста значительные финансовые средства.

Предметы материальной культуры, относящиеся к работе торгового дома «Братья Агафуровы» и универмагу, также представлены обширным комплексом находок. В первую очередь, это обилие (около двух десятков) ювелирных бирок с эмблемой торгового дома «Братья Агафуровы». Бирки представляют собой тонкую круглую металлическую (серебряную?) рамку диаметром до 1 см, внутрь которой вставлен картонный кружок с отпечатанным текстом в различных вариациях: «АГАФУРОВЫ», «Торг. Дом Бр. Агафуровы» с указанием городов деятельности: Екатеринбург, Пермь, Тюмень, Москва, Варшава – также в различных вариациях. Некоторые бирки найдены вместе с вставленной в них нитью, посредством которой они крепились к ювелирному изделию. На оборотной стороне картонных кружков иногда содержатся надписи карандашом – цифры, которые, очевидно, указывают на цену изделия. При этом товарные бирки, найденные в здании, относятся не только к торговому дому «Братья Агафуровы». Найдены бирки с надписями: «Морицъ Филиппъ, Москва», этикетки «Братья Райцынъ, Варшава», «Фабрика шляпъ Л.Д.Белинькй, Варшава» и другие.

Нередкая находка, относящаяся к дореволюционному периоду истории здания, – свинцовые пломбы, иногда с фрагментом жгута из растительного волокна, которыми печатавались упакованные

товары. Таких пломб обнаружено около десятка.

Среди уникальных (единичных) находок, связанных с Агафуровским универмагом, укажу неочиненный деревянный двухцветный карандаш (два разных грифеля с разных сторон: синий и красный) с клеймом «ЮГАНЪ ФАБЕРЪ», стеклянную винную бутылку начала XX века с клеймом «Carl Schirdewan, Breslau» и штампованный из бронзы жетон с ушком с изображением двуглавого орла: имитация монеты для изготовления женского украшения – мониста.

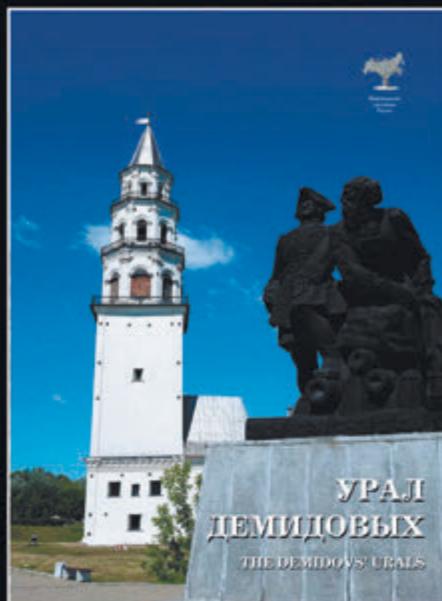
Все находки бережно сохраняются в стенах исторического здания. Самые информативные и яркие из них, в том числе описанные в данной статье, представлены в небольшой музейной экспозиции, доступной к свободному осмотру в пространстве креативного кластера «Домна». Кроме того, в память о наиболее яркой странице истории здания в пространстве «Домны» реконструирован уголок XIX века, представляющий типичное место конторского служащего торгового дома «Братья Агафуровы»: стол под зеленым сукном, пишущая машинка, счеты, чернильница с пером, керосиновая лампа и рекламная афиша универмага.

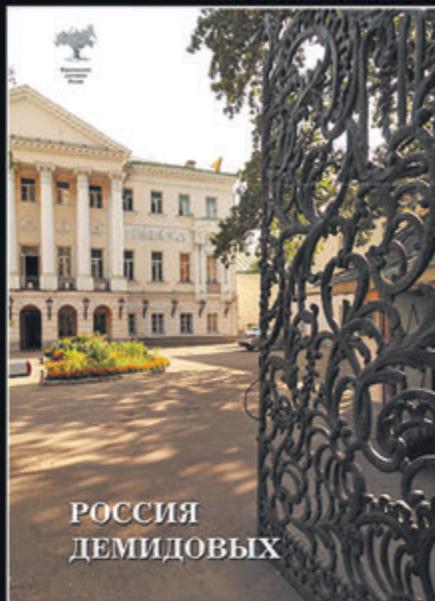
Потомки Агафуровых в гостях в Музейном клубе Дом Агафуровых, 2018 год.

Приём в Представительстве РТ по случаю 150-летнего юбилея Зайнетдина Агафурова с участием потомков Агафуровых, 2011 год.

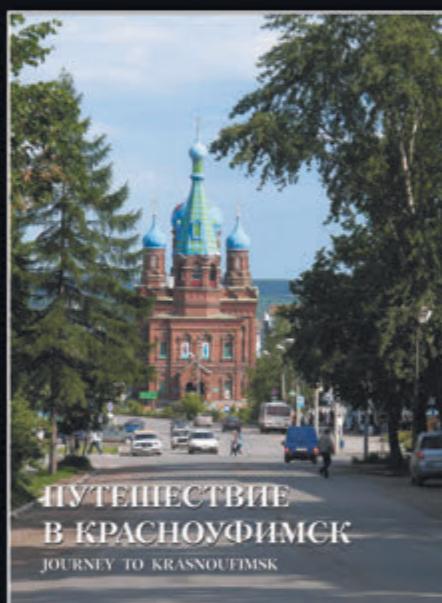
**УРАЛ
ДЕМИДОВЫХ**
THE DEMIDOV'S URALS

**РОССИЯ
ДЕМИДОВЫХ**

ИРБИТ ТОРГОВЫЙ
IRBIT, A TRADING CITY

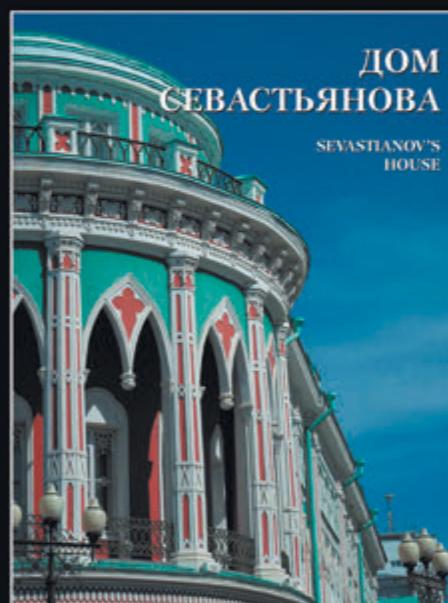

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В КРАСНОУФИМСК**
JOURNEY TO KRASNOUFIMSK

Серия

**Национальное достояние
России**

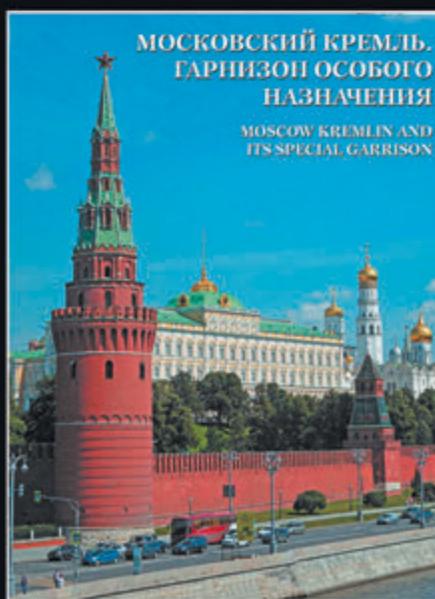

**ДОМ
СЕВАСТЬЯНОВА**

SEVASTIANOV'S
HOUSE

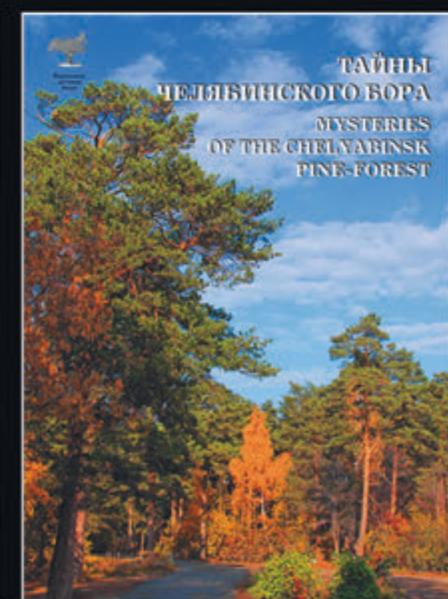

**КИРПИЧНОЕ
ЧУДО ИРБИТА**
THE IRBIT'S MIRACLE OF BRICK

**МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ.
ГАРНИЗОН ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ**

MOSCOW KREMLIN AND
ITS SPECIAL GARRISON

**ТАЙНЫ
ЧЕЛЯБИНСКОГО БОРА**
MYSTERIES
OF THE CHELYABINSK
PINE-FOREST